

ЛитРес:

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

БЕЗМОЛВНЫЕ ПРИЗРАКИ ХИОНЫ

Северная корона

Влада Ольховская

Безмолвные призраки Хионы

«Влада Ольховская »

2022

Ольховская В.

Безмолвные призраки Хионы / В. Ольховская — «Влада
Ольховская », 2022 — (Северная корона)

Хиона – планета, доставшаяся людям случайно. Здесь, среди вечных снегов и льдов, человеческий гений сумел создать маленький рай. Идеальный город, медицина, наука, искусство – у колонистов есть все, а будет больше. На Хионе каждый работает над светлым будущим и не обращает внимания на мелочи.

Например, на снежных демонов, внезапно оказавшихся слишком близко. На болезнь, которой раньше не было. На необъяснимую разруху. Кого это волнует, когда вот-вот прилетят долгожданные гости из космоса?

© Ольховская В., 2022

© Влада Ольховская , 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влада Ольховская

Безмолвные призраки Хионы

Глава 1

Снежные демоны скользили через долину живым потоком. Их когти легко пробивали корку изо льда и снега, их шкуры переливались на редком для Хионы солнце, сияли так ярко, будто были отлиты из металла. Демоны были прекрасны – но только на расстоянии, и наблюдать за ними Элия мог лишь издалека, чтобы они его не почуяли, не заметили, не узнали, что он рядом.

Потому что снежные демоны всегда были смертью больше, чем жизнью. Когда они сбивались в такую вот стаю, не нашлось бы на Хионе существа, способного противостоять им. Перед ними расступались даже гиганты, а демоны, стремительные и неутомимые, продолжали свой путь сквозь снега и тишину дня.

Элия не боялся их: снежные демоны были опасны, но понятны. Их стаи привычно двигались по одним и тем же маршрутам, охотились на одной территории. Если ты уважаешь их законы и соблюдаешь правила игры, твои шансы не завершить свою жизнь в изогнутых клыках весьма высоки. Это на Хионе понимали все. А те, кто не понял или отказался верить, давно уже раскрасили вечные снега алой кровью, нет смысла вспоминать о несчастных глупцах.

Еще несколько минут полюбовавшись далекой стаей, Элия снял снегоход с тормоза и направил к Ледяным Хребтам. Он ведь не из-за снежных демонов покинул станцию, ему нужно было попасть к ловушке, а изящные охотники Хионы лишь ненадолго его отвлекли.

Но главная встреча дня была еще впереди. Элия расставил в Ледяных Хребтах десятки ловушек, он давно уже ждал, когда хотя бы одна из них сработает. И вот этой ночью ему наконец-то попалась брига – живая, да еще и крупная! Редкая удача для зоолога. Элия не сомневался, что его ловушка хищнику не навредит, так уж она была спроектирована. Он не собирался убивать бригу, он хотел изучить ее, и опасность исходила разве что от других обитателей гор. Но и они вряд ли подойдут близко к беснующейся бригае, они не привыкли к тому, что это создание способно стать беспомощным.

Элия все равно не хотел рисковать, станцию он покинул ранним утром и уже через пару часов осторожно вел снегоход по узкой горной тропе к нужной ловушке. Он еще не знал точно, что увидит: пытаясь высвободиться, брига все-таки разнесла хвостом камеру наблюдения, успевшую лишь сообщить, кто именно угодил в западню. Но вариантов, на самом-то деле, оставалось всего два: либо брига жива, хоть и крайне недовольна своим положением, либо она мертва, но тогда у Элии будет шанс поймать тех, кто до нее добрался.

Он не ожидал, что за поворотом обнаружит пустую поляну и открытую ловушку – а получил именно это.

– Какого демона? – только и смог произнести Элия, хотя в пустынных Ледяных Хребтах даже эта фраза оказалась лишней, ее некому было услышать.

У него просто не получилось сдержать удивление: он слишком хорошо понимал, что так не могло случиться. Ловушка отлично просматривалась с тропы, и он прекрасно видел, что она не сломана. Она именно открыта! Брига не сумела бы такого сделать, никак. Сколько бы она ни была тут, сколько бы ни извивалась, она была способна разве что погнуть металл. Элия не сомневался в этом, он такие ловушки не первый год использовал, бриг тоже ловил, и покрупнее, чем эта. Метод был проверенный – а тут почему-то не сработал.

Элия настороженно оглянулся по сторонам, пытаясь понять, один он сейчас или нет. Брига определенно побывала здесь: он видел следы на снегу. Вот выходное отверстие, из кото-

рого она выползла, учуяв приманку – тоннель в горах. Вот отпечатки ее метаний, яростных, хаотичных и бесполезных. Как всегда! А вот отверстие в снегу, через которое она уползла, освободившись.

Это делало ситуацию совсем уж странной. Если бы ловушку открыл другой зоолог, он бы сначала усыпил бригу, а потом забрал на прицепе. Хищник слишком опасен, чтобы вот так выпускать его, это же верная смерть! Брига настолько глупа, что не отличит спасителя от мучителя, она без сомнений сожрала бы того, кто ее освободил.

Но она предпочла бежать, как будто... Как будто – что? Испугалась? В этом же нет смысла, брига никого не боятся, у них нет на Хионе естественных врагов! Почувствовала благодарность? Слишком сложно для брига.

Нет объяснения. Просто нет.

Элия оставил снегоход в стороне и подошел к ловушке, опустился на одно колено, чтобы изучить замок. Как бы ему ни хотелось держаться за последние сомнения, пришлось их отпустить: ловушку все-таки не сломали, а открыли. В принципе, сделать это было не так уж сложно – при двух условиях. Во-первых, необходимо понимать, как работает замок. Во-вторых, требуются некрупные развитые конечности, которых у брига нет по определению. Ну и еще третье условие: не закончить жизнь в клыках разъяренной брига.

Должно быть, это какой-то сбой системы, иначе – никак. Замок открылся сам собой, обрадованная брига предпочла свалить, не дожидаясь, пока странная штуковина снова прикует ее к месту. Да, точно, так и было! Значит, нет смысла взводить эту ловушку снова, придется везти ее в город на диагностику. Мобильный прицеп все-таки пригодится... Элии было жаль собственных планов, он-то был намерен ближайшие дни посвятить изучению брига. Но в жизни ведь всякое бывает, сорвавшаяся охота – тоже. Как говорят на станции Нот, любая охота, с которой ты вернулся со всеми конечностями, неудачной не считается.

Элия направился к снегоходу, но замер в шаге от машины. Он еще не успел толком понять, что его насторожило, однако инстинкты, которые для всех поколений Хионы были основой выживания, уже кричали: замри, не шевелись, не привлекай внимание! Поэтому Элия остановился, велел своему телу превратиться в такую же ледяную глыбу, как те, что окружали его со всех сторон. Потом только он позволил себе осмотреться, и до него наконец дошло, о чем предупреждало его подсознание.

На склоне стояли два снежных демона. Просто стояли – не бежали к нему, не прислушивались, подняв уши, не рычали. Они замерли, как ледяные статуи, однако их морды были развернуты к Элии, и он почему-то не сомневался: они знают, что он рядом. Понимают, что он один, слаб, что он не сможет противостоять им, что у него с собой только дротики для пойманной брига, которых не хватит для противостояния снежным демонам.

В этой ситуации неправильным было решительно все. Демоны не могли оказаться в Ледяных Хребтах, это не их территория и даже не их маршрут миграции! Почему их всего двое? Почему они так спокойны? Да, от человека их отделяет ледяная расщелина, которая пролегла между двумя хребтами. Но для взрослых демонов это не расстояние, прыжок – и они будут на одной с ним стороне, серповидные когти не дадут им соскользнуть.

У Элии не было времени разбираться, почему произошло невозможное. Он чувствовал, как сердце колотится все быстрее, как кровь разгоняется по венам. Снежные демоны услышат это, обязательно услышат! Возможно, они не напали, потому что впервые охотятся на чужой территории и не знают, с кем столкнулись, вряд ли им так уж часто попадались люди. Но испуганный стук сердца скажет им все, что надо: жертва одна и в ужасе, можно атаковать.

Он не собирался стоять тут и дожидаться своей смерти, он слишком хорошо понимал, насколько быстрым и предсказуемым будет финал. Даже его тело потом не найдут для захоронения, он ведь никому не сказал, куда направляется! Хотя... вряд ли от него что-то останется, все исчезнет в вытянутых челюстях снежных демонов.

Поэтому ему нужно было бежать. Элия больше не собирался таиться, это стало бесполезно, грохот собственного сердца он бы уже не скрыл. Он поспешно прыгнул на снегоход, повернул рычаг, сбрасывающий крепление грузовой платформы – это должно было подарить ему заветную скорость и маневренность. Ну а потом, освобожденный, он сорвался с места, направляясь прочь с Ледяных Хребтов.

Элия понятия не имел, преследуют ли его снежные демоны. Должны были – ведь он бегущая жертва! Но зеркала снегохода отражали только белое облако, которое он же и поднимал над тропой. Это мало что значило: в таких условиях сияющие шкуры демонов делали их практически невидимыми.

Да и не было у него возможности присматриваться, ему нужно было все внимание сосредоточить на дороге. Элия давно уже превысил ту скорость, которую среди Хребтов рекомендовали нормы безопасности. Так ведь те нормы разрабатывались без учета двух совершенных убийц, преследующих его! Поэтому Элия всем телом прижался к снегоходу и повернул правую ручку чуть дальше, придавая машине ускорение.

Он никогда еще не ездил так быстро. Ледяной ветер хлестал его по лицу, и потом, когда все это закончится, на коже останутся холодовые ожоги... если закончится. У покойников ожогов не бывает. Элия радовался лишь тому, что на сей раз не забыл дома защитные очки – бывало всякое. Если бы забыл, остался бы на такой скорости без глаз.

Снегоход заносило на поворотах, однажды Элии лишь на миллиметр удалось уклониться от падения в бездну. Но не зря ведь считается, что удача любит шальных. Видимо, судьба оценила то, как отчаянно он сражался за жизнь, и решила дать ему передышку.

Он все-таки добрался до долины. Здесь, на ровном, хорошо просматривающемся пространстве можно было вывести снегоход на максимальную скорость, даже при том, что Элия уже задыхался от морозного воздуха.

А еще ему не обязательно было смотреть вперед, теперь ему не во что было врезаться и некуда падать, с небольшими ямами и холмиками легко справлялись амортизаторы снегохода. Поэтому Элия позволил себе присмотреться к зеркалам, но это оказалось бесполезно: отражающая поверхность скрылась под толстой коркой льда. На равнине такого никогда не случалось, а в Ледяных Хребтах – легко.

Выносить неизвестность и дальше он не мог, поэтому, покрепче сжав ручки, быстро обернулся. Тупой поступок, конечно: его едва не сбило мощным потоком ветра, а шею кольнула острая боль. Но он все же увидел равнину за собой и стремительно удаляющиеся Хребты.

Равнина была пуста. Никто за ним не гнался, вряд ли он пропустил бы двух крупных снежных демонов. Почему так? Они его не заметили? Да конечно: рев снегохода, стартовавшего с места, должен был их взбесить настолько, что они не удержались бы от погони. Снежные демоны не устают, они легко ориентируются даже на чужой территории. Что все-таки заставило их сдержаться?

И... не связано ли случившееся с освободившейся бригай? Элия понимал, что это нелепая, фантастическая мысль, однако она привязалась к нему, как подледная рыба к ловчему дронку, и уже не отпускала. У снежных демонов, если задуматься, вполне развитые передние лапы... Нет, стоп, куда его вообще несет? Если бы два снежных демона обнаружили беспомощную бригау, они бы сожрали ее, а не спасли! Не говоря уже о том, что им бы в жизни мозгов не хватило на то, чтобы разобраться с замком.

Но все же они были в Ледяных Хребтах и вели себя не так, как положено. Это еще предстояло объяснить.

До города он ни за что не добрался бы: снегоход уже мстил ему за утренние виражи пустым баком. Впрочем, Элии и не хотелось еще несколько часов проводить в одиночестве среди снежной пустоты, ему нужно было как можно скорее увидеть своих, оказаться среди других людей, почувствовать их рядом, поэтому он уверенно направился к станции Нот.

А там жизнь была самой обычной. В разгар дня обитатели станции занимались своими делами, все вечно куда-то спешили, никто ни о чем не беспокоился. Среди этой будничной суеты недавние страхи Элии меркли, казались несущественными, будто привидевшимися ему и даже неловкими.

Это не означало, что он готов отмахнуться от них и обо всем забыть. Он оставил снегоход на станции технического обслуживания и сразу же направился к управляющей. Кого-то другого к ней просто не пустили бы: у главы станции Нот редко выдавалась свободная минута, ее подчиненные об этом знали. Но кто ж откажет самому Элии ДиНаталь? Такой отказ грозил обернуться проблемами с городом, которые здесь никому не нужны.

Так что глава станции, Мирари Акоста, приняла его, хотя и не скрывала, что не рада этой встрече. Мирари была молода – она родилась и выросла уже на Хионе. Но сейчас она выглядела настолько усталой, что казалась собственной матерью.

– Да уж, потрепало тебя, – заметил Элия. Они были знакомы много лет, и он не видел смысла в показной вежливости. – Что-то случилось?

– Ты случился. И ты тоже, кстати, не подводным яблочком смотришься.

Тут она была права – Элия успел бросить быстрый взгляд в зеркало в приемной. Из-за гонки по Хребтам и равнине его кожа обветрилась, стала красной, уже покрылась пятнами воспаления, а глаза до сих пор слезились из-за яркого света. Придется все-таки заглянуть в лазарет, хотя Элия такое не любил.

– Разведывательная миссия прошла неудачно, – признал он. – Поэтому я и пришел к тебе. Ты в последнее время не замечала ничего странного?

– Если вокруг не странно, вы уже не на Хионе, – усмехнулась Мирари. – Знаешь такую поговорку? Она не на пустом месте появилась.

– Справедливо, спрошу по-другому: ты не замечала никаких странностей, связанных со снежными демонами?

– С ними? Нет, последний раз, когда я проверяла, они были все такой же занозой в заднице человечества.

– Вообще-то, они – исконные обитатели Хионы, – не удержался Элия. Сейчас это было несколько не в тему, но нельзя перестать быть зоологом за минуту.

Как и следовало ожидать, Мирари тут же взвилась:

– Ты опять пришел ныть о том, чтобы мы пересмотрели квоты на их отстрел?!

– Нет, совсем нет... Просто сегодня я увидел кое-что странное. Два снежных демона отделились от общей стаи и почему-то бродили среди Ледяных Хребтов. Они заметили меня, я уверен, но не напали!

– И что? Тебя печалит, что ты выжил? Ладно меня, но тебя-то почему?

– Сейчас не время для шуток, – раздраженно поморщился Элия. – Это необъяснимое отклонение в поведении, и я не представляю, чем оно вызвано!

– А я не представляю, каково это: жить такой беззаботной жизнью, что самая главная проблема в ней – два свихнувшихся снежных демона. Какая разница, почему они поперлись в Хребты? Погулять захотелось. Тебя не сожрали, потому что были сытые или потому что ты настолько омерзительный, что тобой даже снежные демоны брезгуют. Ты ж у нас зоолог, должен знать, что общие принципы поведения не являются обязательными для всех представителей вида.

– Так это еще не все! У меня была в Хребтах ловушка с бригай, и кто-то ее открыл... Я хотел узнать: это не могли сделать твои охотники?

– А брига осталась жива?

– Да.

– Вот тебе и ответ, – рассудила Мирари. – Если бы это сделали мои охотники, там остался бы либо труп брига, либо их руки. Мои давно уже не суются в Ледяные Хребты, не стоит оно того. И ты не суйся!

– Да, но...

– Хватит, – прервала его глава станции. – Я пытаюсь быть с тобой милой, но получается у меня настолько хорошо, что ты уже чувствуешь себя желанным гостем. А это не так. Знаешь, что такое настоящие проблемы? Когда у тебя теряется контакт с группой охотников, отправившихся на вылазку, дней на десять, и ты успеваешь два раза поседеть, пока они наконец сигнал не подадут. Или когда у тебя на продовольственном складе одни сурнджи – и больше ничего. И ты понимаешь, что бывали в истории Хионы времена, когда склады вообще стояли пустые. Но наш народ легко забывает плохое и теперь уже возмущается – почему это одни сурнджи! Мы хотим пищевого разнообразия, избирательные мы теперь!

– А почему одни сурнджи? – растерялся Элия.

– Потому что другой добычи уже много дней как нет, вот у меня охотники и таскаются непонятно куда! За пределы действия связи!

– А может оказаться, что другую добычу отогнали снежные демоны, сместившие привычную охотничью территорию?

– Опять ты за свое? Снежных демонов там, между прочим, тоже нет! Равнины стоят пустые! И вообще, у меня в центральном тоннеле обнаружены две крупные трещины, есть реальная угроза обвала. Это тоже твои демоны сделали? Прокопались и головой постучали? Если уж они по Ледяным Хребтам шляют, может, и этому научились!

Язвительность Мирари сейчас раздражала, но Элия заставил себя сдерживать гнев. Глава станции отвечала за жизни сотен людей. Понятно, почему полупустые продовольственные склады ей важнее, чем странности в далеких Ледяных Хребтах! А уж обвал центрального тоннеля и вовсе рискует стать катастрофой. Элия понятия не имел, откуда там вдруг трещины, сдвига ледяных плит не было больше года, но он и не надеялся разобраться – не его сфера.

Мирари, очевидно, ожидала, что он вспылит, и теперь была удивлена его смирением, за которое она приняла задумчивость. Насколько удивлена, что даже сменила гнев на милость:

– Слушай, здесь тебе никто ничего не подскажет. Мои парни умеют только убивать снежных демонов, да и то без удовольствия, потому что цена обычно высоковата. Они тебе ничего не скажут про странности, потому что даже норму не знают. Ты лучше поговори с тем, кто так же с ними носит, как ты, и даже больше.

– Это с кем же?

– М-да, я смотрю, тебе совсем ветром мозги выдуло... Поэтому я и говорю, что нельзя без шапки ездить. Забыл, что снежные демоны – это так, удобное название по существу? Формально-то они волками Риверо зовутся. Вот с Риверо и поговори.

Решение было настолько элементарным, что от удивления Элия даже на пару секунд потерял дар речи: как же он сам до такого не додумался? Потом он широко улыбнулся Мирари:

– Ты гений! Знаешь об этом?

– Естественно, – кивнула она. – Гениев ставят управлять станциями. Всем остальным позволяют кататься по Хребтам. Я понятия не имею, где сейчас Риверо, я за этим психом не слежу. Но на станции Нот ты его точно не найдешь, он сюда не заглядывает, потому что знает: от меня он получит по башке. Шансов поймать его в городе побольше, туда и вали.

– Справедливо, только отлежусь денек – и сразу тебя покину!

Элия редко позволял себе такие послабления, но сейчас чувствовал, что это необходимо. Естественное онемение, подаренное холодом, отступало, и в коже просыпалась ноющая боль, которая через пару часов станет намного сильнее. По-хорошему, чтобы быстро избавиться от ожогов, ему следовало эти сутки провести с лечебным компрессом на физиономии, вспоминая странную встречу в хребтах и делая выводы.

Мирари все это понимала – как минимум часть про компресс, уж где-где, а на станции Нот с холодowymi ожогами сталкивались постоянно. Вот только впечатлена она не была:

– Без суток своих обойдешься, тоже мне, принцесса! Зайди в лазарет, возьми у моего медика жировую мазь и дуй отсюда. В городе подлечишься.

– Ни фиги себе! – присвистнул Элия. – Я уже настолько не твой любимый зоолог, что ты меня хоть в прорубь готова швырнуть, лишь бы койку не выделять?

– У меня вообще нет любимых зоологов, вы мне все одинаково отвратительны. А тут дело такое: на сутки ты точно не останешься. Приближается снежная буря, большая и паршивая. Она, по подсчетам наших спецов, будет здесь через пятнадцать часов. Но, поскольку спецы бухают и вообще не лучшие, в уме держим срок в десять часов. Во время бури я никому не позволю покинуть станцию, даже если это ты.

– Так ведь есть тоннель...

– Я когда говорила про трещины и риск обвала, ты уши привычно в трубочки закрутил? Если буря поймает тебя здесь, ты станешь моей проблемой дней на пять, и это еще при лучшем раскладе. А при худшем этот долбаный тоннель все-таки рухнет – и все, ты с нами дней на двадцать.

– Ты права во всем, – сдался Элия. – Как всегда. Спасибо тебе. Я передам отцу про проблему с продовольствием.

– Передай, но что-то я сомневаюсь, что он почешется. У него ж как: если в городе еды хватает, значит, всем хорошо. Что ему до станции Нот? Ладно, катись уже отсюда, и без тебя дел слишком много.

Элия кивнул ей на прощание и покинул кабинет. Снова возвращаться в седло и лететь через ледяной воздух отчаянно не хотелось, тело протестовало усталостью и даже судорогами в мышцах, боль в обожженной коже мешала сосредоточиться. Но Элия не собирался поддаваться соблазну и обосновываться на станции еще на несколько дней. Каждый раз, когда он закрывал глаза, в памяти всплывали морды снежных демонов, направленные прямо на него – и с этим нужно было что-то делать.

* * *

Стоило прийти к нему и поговорить раньше, а Альда все никак не могла решиться. Она находила себе десятки оправданий, но главных причин, если отмести мелочи, было две.

Во-первых, она сомневалась, что Триан готов к такой тайне. Альда любила его – но не слепо, она признавала, что не до конца понимает легионера. Ей сложно было определить, где заканчивается игра на публику и начинается искренняя жестокость. Да и потом, она побывала в его сознании, знала, что это изломанный мир, куда более хрупкий, чем предполагают те, кто считает Триана существом без души. Диана сказала ей, что у него есть серьезные основания недолюбливать Легион. Что, если этого окажется достаточно для открытого противостояния, стоит только дать ему достойное оружие? Насколько сильно он хочет отомстить – и за что? Если бы Альда это знала, ей было бы проще определить, как далеко он готов зайти.

Вторая причина была менее значимой объективно, но все равно важной. Триан непременно спросит, почему именно ей Диана доверила свою последнюю тайну. Альда, конечно же, попытается соврать, но ложь он может распознать, тоже ведь не вчера родился и не без оснований считается одним из лучших стратегов Легиона. Да и потом, она слишком хорошо помнила, как другой легионер поступил с влюбленной в него девушкой. Триан не такой, но... вдруг? Это «вдруг» не оставляло ее в покое и не давало разрешение на откровенность.

Альда неожиданно стала хранительницей не просто какого-то там незначительного секрета. Ей досталась главная тайна сильнейшего номера 1 за всю историю Легиона. За такие

тайны убивают... а еще за них умирают. Диана вот умерла, и повторять ее судьбу никак не хотелось.

Наконец Альда нашла компромисс со своей совестью, пусть и временный. Она решила, что разберется со всем сама, изучит технику создания живых существ, разработанную Дианой, а потом уже решит, готов Триан к такому или нет.

– Ты занимаешься ерундой, – сразу же предупредил ее призрак Дианы, обитающий теперь в ее памяти. – Ты не из Легиона, твоих знаний просто не хватит, чтобы понять.

– Почему ты вообще здесь? – возмутилась Альда. – Это что, паранойя бонусом к тайному знанию? Когда ты собираешься с умиротворенной улыбкой уйти в закат?

– Когда ты выполнишь свою миссию, девочка. Это воспоминание оставлено тебе не для того, чтобы ты его смотрела, как мультик. Ты должна обучить Триана тому, что умела я.

– Если это так важно, сама бы его и обучила, нечего из меня накопитель данных делать!

– Одним из условий обучения была моя смерть, забыла? Я не обучила Триана, потому что надеялась выжить.

А умерла в итоге из-за того, что полюбила не того человека. Двойная ирония с учетом положения Альды, но говорить об этом призраку-воспоминанию, пожалуй, бесполезно.

Так что все те дни, которые были выделены «Северной короне» на отдых, Альда посвятила медитации. Она мало с кем общалась, она закрылась в своей комнате, а потом – в своей памяти. Она просмотрела все, что доверила ей Диана, и...

Ничего не поняла.

Точнее, какие-то образы оказались ей ясны, они были частью воспоминаний самой Дианы. Однако для того, чтобы разобраться в технике создания живых существ, одной лишь телепатии было мало. Нужны были еще уникальные способности легионеров, годы обучения – словом, все то, чего у Альды не было и не могло быть.

Так что все в итоге свелось к очень простому выбору: или навсегда скрыть эту тайну от Триана, или пойти и рассказать ему, наплевав на собственные сомнения. Альда предпочла второе, и не только из-за желания избавиться от назойливого призрака. Просто, что уж скрывать, любовь заставляет трактовать любые сомнения в пользу дорогого человека – и не важно, насколько он этого достоин.

Так Альда и оказалась перед дверью в комнату Триана. Однако постучать телепатка не успела, дверь и так открылась, только вот вышел оттуда совсем не легионер.

В коридор выскользнула Римильда, скорее раздетая, чем одетая – в брюках из тонкой кожи и полоске ткани, едва прикрывающей грудь. Способности хилера позволяли ей одеваться без оглядки на температуру, а второй номер в иерархии – на правила приличия. К такому на «Северной короне» уже привыкли, некоторые даже получали от ее нарядов эстетическое удовольствие.

Но вот у Триана она обычно не торчала. Римильда не скрывала, что раньше они были любовниками, она, кажется, даже гордилась этим. Однако на новых миссиях их связь восстановиться не могла: после возвращения с Адрана Триан сторонился всех без исключения.

Да и понятно, почему. Он мог сколько угодно делать вид, что он неуязвим, ему просто скучно тратить время на каких-то там людишек. Альда не сомневалась, что на самом деле все куда сложнее. Диана не была его близкой подругой – но они хорошо ладили, и легионер до последнего пытался ее спасти. Она стала еще одним осколком прошлого, который он потерял. Сначала его брат, теперь вот Диана... от жизни, в которой он был человеком, а не боевым мутантом, остался он один, и Альда знала, что принять новую правду непросто даже ему.

Так что телепатка уважала его скорбь – но никак не желание быстренько развлечься с хилершей. Альда, не ожидавшая такого, смутилась, да и Римильда, кажется, тоже. Но хилер взяла себя в руки первой, она очаровательно улыбнулась и даже подмигнула Альде:

– Что, ты тоже очередь заняла? У тебя хороший вкус, лучше на этом корабле никого нет! Я бы сказала, что ты опоздала, но это же legionеры – и тебе всего хватит, они мгновенно восстанавливаются!

Альда почувствовала, что краснеет. Потрясающе! Она столько дней решалась на этот разговор, а в итоге выбрала самый неудачный день из всех возможных. Да и потом, она убеждала себя, что ее вообще не касается присутствие Римильды в его спальне, но злость все равно была – вспыхнула и стремительно нарастала.

Если сейчас еще и Триан выглянет, вообще будет фрагмент из дурацкого шоу для скучающих обитателей космических станций. Уж лучше развернуться и уйти, пусть даже под тихий смех Римильды. Потому что хилер старше, опытней и вообще стерва. Потому что ее такие ситуации развлекают, а Альду бесят. Уйти проще и безопасней, это она и собиралась сделать, когда в сознании неожиданно прозвучал голос Дианы.

– Хватит быть хорошей девочкой. Меня это привело к смерти.

Разговор на эту тему они заводили уже не раз и неизбежно оказывались в тупике. Альда понимала, что бесполезно спорить с воспоминанием, да еще и чужим. Но Диана умудрялась каждый раз задеть нужную струну.

У телепатки с высоким номером в любом разговоре было преимущество: если она захочет, никто от нее ничего не скроет. Вот только правила космического флота запрещали ей пользоваться этим преимуществом, а правилами она не пренебрегала. Она же все-таки хорошая девочка, совсем как сказала Диана!

Покидая академию, Альда была твердо уверена, что всегда будет вести себя так, как учили. Потому что если все начнут злоупотреблять своим даром, что начнется? Правильно, хаос. Однако первые же миссии «Северной короны» продемонстрировали Альде, что правила хорошо работают в чистых и уютных кабинетах академии, а вот в полевых условиях ходить в белых кружевах как-то проблематично. Нарушали все, просто по чуть-чуть. Так разве ж она хуже?

Это ей втолковывала Диана, а она сопротивлялась до последнего. Но теперь, глядя на самодовольную улыбку Римильды, телепатка поняла, что сопротивлялась все-таки зря.

Альда без сомнений призвала силу и уверенно использовала сначала на себе: отогнала стыд и волнение, убрала дурацкий румянец с щек, вернула мыслям ясность. Ну а потом она скользнула по сознанию собеседницы – не проникая глубоко, на уровне поверхностных эмоций, которые Римильда прятала за показной уверенностью. И вот там обнаружилось кое-что интересное.

– Мне не пришлось бы ждать, даже если бы он не был legionером, тебя-то он послал, – сочувственно заметила Альда. – Очень подло с его стороны, по-моему, такое неуважение к ветеранам труда!

Может, и стоило удержаться от шпильки, а телепатка не удержалась. Римильда не зря постоянно поддерживала внешность юной девы – многое указывало, что она постарше капитана Лукии будет.

Вот теперь хилер насторожилась:

– Ты что, в мысли мои влезла?

– Нет, в мысли не влезла, и так все понятно.

И это даже не было ложью со стороны Альды: в мысли она действительно не лезла, просто обнаружила среди поверхностных эмоций гнев и негодование. Значит, Римильду развернули прямо у дверей, а Триан вовсе не считал постельные игры лучшим способом отвлечься от горя.

Римильда была задета и вполне предсказуемо огрызнулась:

– Ну, я-то просто уйду и проведу вечер чуть более скучно, чем планировала. А ты сколько будешь силенки копить на вторую попытку прийти сюда? Из вас, девственников, те еще соблазнительницы: упала в позу морской звезды, зажмурилась и ждешь.

– Да я не...

– Даже не начинай, – перебила ее хилер. – Я-то знаю наверняка, да, я использовала способности не по делу. Можешь идти и настучать, а заодно пожаловаться, *что* именно я о тебе знаю.

– А не пошла бы ты к черту, – угрюмо посоветовала Альда.

– Так я только что от него, он не в настроении! Ну что, маленький телепатик? Будут слезы или не сегодня? Или тебе привычнее плакать в подушку?

Забавно... Первой мыслью Альды в этот момент стало неожиданное открытие: Диана бы в такой ситуации осталась уверенной, и хотелось быть похожей скорее на номер 1 Легиона, чем на вчерашнюю кадетку. Поэтому Альда продолжила смотреть в глаза хилеру.

– Не у всех жизнь проходит или на работе, или между ног, знаешь.

– Да? Ну и зачем ты здесь тогда?

Тут уже ответить быстро и остроумно не получилось. Сообщить истинную цель своего визита Альда не могла: хилер была последним человеком на «Северной короне», кому стоило знать про послание Дианы. В том, что она шпионит на руководство специального корпуса, и сомневаться не приходилось – безо всякой телепатии.

Вопрос в том, какая ложь будет звучать логичней. Сказать, что она пришла поддержать Триана? Так ведь Диана умерла много дней назад, поздновато собралась! Может, заявить, что он сам мысленно ее пригласил? Но тогда будет вдвойне неловко, если Триан, который наверняка слышит их голоса, дверь не откроет, с него станется! Альде только и оставалось, что тоже сослаться на острый романтический интерес, что было бы совсем унизительно... Но уж лучше так.

Телепатка готовилась принять поражение, когда спасение пришло из неожиданного источника – прямиком от капитана Лукии. Альда не поддерживала активный мысленный контакт со всеми членами экипажа, однако на вызов реагировала мгновенно, этому еще в академии обучали.

«Мазарин», – прозвучал в ее сознании знакомый голос.

«Слушаю, капитан».

«Сообщите всем, что я ожидаю их в общем зале. У нас новое задание».

«Конечно, капитан, дайте мне две минуты».

Теперь Альда могла улыбнуться чуть шире и объявить:

– Я пришла сюда, чтобы позвать его на собрание. Тебя, кстати, тоже, если ты не слишком занята.

– Что? – нахмурилась Римильда. – Какое еще собрание?

– Поработать нужно, ну так, для разнообразия. Но если тебе хочется развлечься, я могу сообщить капитану, что у тебя уважительная причина.

– А ты наглеешь... Тебе это не идет. Если ты действительно просто передаешь приказ капитана, зачем явилась сюда лично? Могла бы связаться с нами телепатически.

– С остальными свяжусь, – кивнула Альда. – У Триана периодически блок стоит, проще в дверь постучать. А на твоё присутствие в его кровати я вообще не рассчитывала. Он, судя по всему, тоже.

– Ты ведь понимаешь, что заводишь себе врага в лице номера 2? – Римильда удивленно приподняла брови. – Ты, с твоим-то жалким... Какой там у тебя номер? Пятидесятый – или еще ниже?

– Достаточный для того, чтобы велеть тебе поторапливаться – капитан не любит ждать! Триан, тебя это тоже касается, я ж не сомневаюсь, что ты тут каждое слово услышал. Все, встретимся в зале.

Альда ушла первой, не обернувшись даже, когда открылась дверь в комнату легионера. В этот миг она была вполне довольна собой – и призрак Дианы, кажется, тоже. Телепатка сильно

сомневалась, что у них с хилером будет настоящая вражда, Римильда слишком ленива для этого и дальше пары пакостей при удобном случае дело не зайдет. Жалко, конечно, что серьезный разговор с Трианом сорвался – но он бы сорвался в любом случае из-за собрания.

Альда предпочла рассматривать это как намек на то, что тайне Дианы предстояло еще какое-то время оставаться в тени.

* * *

Найти Гектора Риверо оказалось не сложно: он стоял на одной из наблюдательных площадок сторожевой стены и следил за далеким горизонтом. Там, где обычно сияла безупречной белизной гладь заснеженных равнин, теперь клубились черные тучи.

Буря была из плохих – тех, которые длятся целыми днями и после которых приходится очень многое восстанавливать... и пересчитывать людей, выясняя, сколькими жизнями колония заплатила планете на этот раз. В городе объявили чрезвычайное положение, покидать Орифию было строжайше запрещено, если тебе не дал позволение глава колонии. А поскольку Гектора глава колонии переносил примерно так же, как чахотку, зоологу и просить ни о чем не стоило. Он и сам это понимал, потому шатался без дела по сторожевой стене.

Зато Элие эта буря была на руку, обычно Гектор проводил среди равнин куда больше времени, чем в городе, закапывался в самый глубокий снег – и попробуй, отыщи его!

Когда Элия вышел на площадку, Гектор покосился на него и вместо приветствия объявил:

– Твой отец запер меня здесь! Как какого-нибудь преступника. Я протестую!

– Так перед ним и протестуй, мне-то что? – удивился Элия.

– Перед ним опасно – получить сапогом можно. А я этого не люблю, мне голова не для того дана.

– Справедливости ради, заперли не только тебя, а вообще всех и по делу.

– Да, но только мне это вредит, а остальные – ленивые трусы, которые и так лишний раз нос за стену не высовывают. Ты ж не об этом говорить пришел, правда? О городских порядках со мной обычно не говорят.

– Правда. Я пришел поговорить с тобой о снежных демонах.

– О волках Риверо, – строго поправил Гектор. – Эти просторечия не позволительны никому, а уж ученому – тем более!

– Seriously, кто-нибудь, кроме тебя, называет их волками Риверо?

– Так они записаны в учебниках, мне этого достаточно.

– Ладно... Вопрос действительно есть, но сначала я должен тебе кое-что рассказать.

Гектор – это не Мирари Акоста, перед ним можно не таиться. Он давно уже прослыл чудачком, многие не воспринимают его всерьез, зато он сам не спешит навешивать ярлыки.

Начинали они почти одновременно, оба были зоологами общего профиля. Но потом Гектор увлекся снежными демонами, он сосредоточился только на них, он собрал достаточно материалов об этих существах, чтобы ему позволили назвать их своим именем. Впрочем, конкурентов у него и не было, мало кому хотелось связать свою фамилию с кровавыми убийцами, которые со времен приземления «Раваны» отняли тысячи жизней, больше, чем любое другое чудовище Хионы. А Гектора это не смущало, он невозмутимо вещал, что животные есть животные, глупо обвинять их в том, что для них естественно. За такое его периодически били, потому он и не любил подолгу оставаться в городе.

При всех своих странностях, Гектор мыслил свободно. Когда Элия наконец закончил рассказ и спросил, могли ли снежные демоны – которые на самом деле волки Риверо, а вовсе не демоны, это понятно, – открыть ловушку, Гектор смеяться не стал. Однако и соглашаться он не спешил. Он задумался, а потом покачал головой:

– Нет, это просто совпадение. Думаю, они оказались там уже после того, как брига удрала. А ловушка открылась из-за сломанного замка, такое тоже бывает.

– Да не был тот замок сломан, говорю тебе! – настаивал Элия.

– Ты успел его толком рассмотреть? Изучить после того, как брига вырвалась? Или волки Риверо спугнули тебя раньше?

– Раньше. Ну и что?

– Ну и все. Слушай, я за ними наблюдаю уже много лет... Большую часть жизни, если уж на то пошло. Волки Риверо – развитые животные по меркам Хионы, я бы даже назвал их умными. Но они не любознательные, не сравнивай их с людьми. Они могут отклониться от привычных маршрутов, если это нужно для охоты. Однако по жизни их интересуют только две вещи – жратва и размножение. Они никогда не достигнут того уровня, на котором смогут освободить попавшую в ловушку бригу.

– Не знаю... Мне показалось, что те двое реально наблюдали за мной.

Гектор наконец позволил себе усмехнуться:

– Наблюдали чем? У них даже глаз нет!

– Но это не мешает им чувствовать окружающий мир, сам ведь знаешь.

– Чувствовать – да, но у них всегда есть цель.

– Тогда что те двое делали в Ледяных Хребтах? – настаивал Элия.

– Охотились. Мирари же сказала тебе: в районе станции Нот перебои с добычей. Возможно, временная миграция перед сильной бурей, такое тоже бывает. Они отправились в Хребты, чтобы найти пожрать, тебя не поймали, потому что не успели, ты ж наверняка стреканул от них только так. Со свалившей бригаой это не связано, просто совпадение.

– Мне бы твою уверенность...

– Так бери, мне не жалко, – хмыкнул Гектор. – Слушай, я говорю это не потому, что мне так уж важно настоять на своем. Я бы хотел, чтобы прав оказался ты, чтобы волки Риверо были именно такими: умными, способными к развитию, непредсказуемыми.

– Не факт, что при таком раскладе они не отжали бы у нас колонию...

– Или не стали нашими союзниками. Я ведь пытался приручить их – много раз! Да и не только я, мне просто повезло пережить неудачу. Это невозможно. Отсутствие у них любознательности проявляется еще и в том, что они не идут на контакт даже сытые. Они парни простые: убить нужно все, что не успело убежать. Убил – сожри или прикопай на будущее. О дрессуре тут и речи не идет, а какой мог бы быть результат!

– Пожалуй, ты прав, мне просто показалось, – вздохнул Элия.

– Бывает. А уж если Безмолвие случится – так вообще понятно! Так, стоп... ты слышишь?

Они по-прежнему оставались на площадке одни, и Элия не заметил ничего подозрительного. Но Гектору можно было верить: таскаясь за стаями снежных демонов, он развил чуть ли не звериный слух. Поэтому Элия не стал отмахиваться, он прислушался и скоро сам уловил настороженный гул, доносящийся со стороны города.

Они поспешили спуститься со стены, вернуться на улицы – и убедиться, что им не почудилось. Охрана Орифии была чем-то встревожена, хотя очевидной угрозы поблизости не было. Никто ничего не объяснял, от гражданских, тоже заметивших суету, просто отмахивались.

Но от Элии отмахнуться не смогли – у сына главы колонии были свои преимущества.

– Что произошло? – спросил он, перехватив очередного охранника.

– Господин ДиНаталь? – удивленно моргнул тот. – А вы здесь откуда? Вы не на станции Нот? Уже легче, хвала небесам, нужно всем сообщить!

– Стоять! Потом сообщишь, что случилось со станцией Нот?

– Со станцией – ничего, пояснил охранник. – По крайней мере, сейчас. Буря обрушила тоннель, хорошо так, намертво, пока не закончится – не починим! Так что пока Хиона не прекратит весь этот кошмар, они там сами по себе. Будем надеяться, что они к этому готовы!

Глава 2

Бури были самой большой бедой Хионы – даже более страшной, пожалуй, чем снежные демоны, гиганты-йотуны и те подледные твари, названия которых Мирари не любила вспоминать. Хищников хотя бы можно было изучить и найти способы защиты. С силами природы все обстояло куда сложнее, особенно на отдаленных станциях.

Даже самые слабые бури были опасны тем, что налетали неожиданно, порой заставляли людей в пути, далеко от любых убежищ, да еще и приносили с собой Безмолвие. Бури посильнее удавалось предсказать хотя бы за несколько часов, это давало возможность спасти жизни, но не имущество. Ледяной ветер уносил в снежные дали все, что не было прибито, привязано или приклеено. Буря заметала привычные пути и любые ориентиры.

Ну и конечно, бывали такие бури, как сегодня. Настолько грандиозные, что об их приближении можно было узнать за несколько дней и подготовиться – насколько это вообще возможно. Обрушивающиеся на землю черной ночью, стирающей границы реальности. Выходить во время бури из дома позволялось разве что на более-менее защищенных улицах города. На станциях перемещение вне ледяных тоннелей означало бы верную смерть: ветер был настолько силен, что уносил в пустоту даже рослых мужчин. Можно было, конечно, утяжелиться, использовать цепи и веревки, но тогда твою жизнь могли оборвать крупные снежные хлопья, мешающие видеть и дышать, или сыплющиеся сверху осколки льда. Хищники на время бури тоже прятались – по крайней мере, хищники снегов, подводные твари как раз порой вылезали за новой добычей.

А еще такая буря уничтожала любую связь – даже внутри станции, не говоря уже о связи с городом. Оставалось надеяться только на дежурных, размещенных по всем тоннелям, срочные сообщения доставляли они.

Сильные бури становились большой бедой при любом раскладе, а сейчас еще и станция была отвратительно подготовлена к изоляции. Мирари служила здесь уже много лет, но такого унылого положения припомнить не могла. Теперь она стояла у окна, за которым не было ничего, кроме темноты, и пыталась понять, где она допустила ошибку.

Да нигде! Иногда просто не везет, и ты никак не можешь это изменить. Сначала начались проблемы с охотой, и Мирари пришлось отправлять группы куда дальше, чем обычно, да еще и в опасный сезон. Потом на несколько дней пропала связь с охотниками, которых вел ее ближайший советник, и глава станции вся извелась, воображая жуткие сценарии их гибели.

Они вернулись, причем живые, и пояснили, что попросту заблудились в снегах из-за Безмолвия, перед сильной грозой такое бывает. Она ожидала, что станет легче. Но Мартин Видал, которому она всегда доверяла так же, как себе самой, пока не мог ей помочь. Он заболел во время охоты, большую часть времени он проводил теперь в своей комнате, даже в общих собраниях не участвовал.

Так что к грандиозной буре они подошли с полупустым складом, приунывшим личным составом, да еще и опасными трещинами в основном тоннеле, связывавшем станцию Нот с городом.

Трещины эти были отдельной паскудной историей. Однажды они просто появились и все – две грандиозные расщелины в толще льда. При вечернем обходе их еще не было, при утреннем уже зияют. Мирари тогда со своих инженеров три шкуры содрала, но так ничего и не добилась. Подчиненные что-то блеяли про то, что трещины выглядят созданными намеренно. Однако в этом не было смысла: если рухнет тоннель, плохо будет всем! И вообще, годами все было в порядке, а тут вдруг взяло и появилось... Так не бывает!

Из-за непогоды к тоннелю нельзя было подогнать нужную технику, трещинами собирались заняться сразу после бури. Однако в первый же день после ее прихода стало ясно, что они опоздали.

Мирари поняла это по грандиозному грохоту, настолько громкому, что он сумел перекрыть даже рокот бури. Станция содрогнулась так, что и на верхних этажах, где располагались кабинеты, мало кому удалось остаться на ногах. Мирари подумала сначала, что началось движение плиты, однако толчок был всего один. Значит, и тут не повезло... Ну а когда им последний раз везло?

Хотелось сделать вид, что она ничего не заметила. Или выключить в кабинете свет, спрятаться под стол и притвориться, что ее здесь нет. Пусть Мартин занимается этим, он и так уже отлежался! Мирари понимала, что это постыдные мысли, но... Она слишком устала. Она не отдыхала уже лет десять. Только вот ее чувства и ее усталость были совсем не важны для обитателей станции, поэтому она сделала глубокий вдох, медленно выдохнула, нацепила такое выражение лица, будто у нее все в порядке, и направилась к основному тоннелю.

Мартин уже был там в компании нескольких инженеров, рассматривал сине-белые глыбы льда, блокировавшие путь на свободу. Инженеры нервничали, одного трясло так сильно, что видно было даже через теплую куртку. Мартин казался сонным и безразличным ко всему. Пожалуй, это была правильная реакция со стороны одного из лидеров, но как же она бесила!

– Все-таки рухнуло? – осведомилась Мирари.

– Точно по трещинам, – кивнул ближайший к ней инженер. – Но там большая уязвимость была, все это знали. Если бы не сучья бурия эта...

– Рассуждения в духе «если бы» мне не нужны, – перебила его глава станции. – Меня интересует только то, с чем мы имеем дело. Мы сможем разобрать завал своими силами?

Внутренняя часть тоннеля, расположенная под станцией, не пострадала, здесь сохранились и электричество, и отопление, можно было подогнать технику. Поэтому Мирари и надеялась, что дело удастся решить быстро, однако Мартин ее разочаровал:

– Не стоит даже пробовать, иначе упадет все.

– Он прав, – кивнул инженер. – Тут нужны металлические подпорки, которых у нас нет.

– Хорошо, а если разобрать завал не полностью, а частично? – не сдавалась Мирари. – Хоть какую-то связь с городом вернуть?

– Слишком опасно. Это нужно делать при поддержке с внешней стороны тоннеля, если мы не хотим потерять его окончательно.

– А доступ к внешней стороне будет только после окончания бури... Да уж. Ко мне в кабинет на совещание, быстро!

Мирари не хотела, чтобы это произошло, боялась, но роль главы станции обязывала ее готовиться к худшему. Поэтому сейчас она примерно представляла, с какими проблемами им предстояло столкнуться.

Из города они получали очень многое, даже то, что заготавливалось на других станциях. Такая уж в колонии была система: продукты со станций поступали в Орифию и там распределялись по воле ДиНаталя. Через тоннель в Нот должны были прислать запрошенное продовольствие, топливо и брикеты для отопления.

Теперь же им предстояло довольствоваться тем, что есть, до окончания бури, никто им при всем желании не поможет. Даже развилки, ведущие к второстепенным тоннелям, остались по ту сторону завала!

– Прогнозируемая продолжительность бури? – поинтересовалась Мирари, когда все заместители собрались в ее кабинете.

– От пяти до одиннадцати дней.

– Значит, будем готовиться к одиннадцати. Что с отоплением?

– Рекомендуются понизить до пятнадцати градусов, чтобы точно хватило, – неохотно признал инженер. – Но люди будут недовольны.

– Смертью они будут недовольны еще больше, понижайте. По электричеству тоже нужна максимальная экономия: приглушите свет везде, где только можно, следите за показаниями датчиков. На любое значительное использование электричества до конца чрезвычайного положения требуется мое письменное разрешение. Ну и новую волну недовольства я предвижу по поводу еды. Груз с овощами доставить так и не успели?

– Нет, – отозвался Мартин. Он, похоже, так и не оправился до конца от болезни, он пока был мало похож на прежнего себя, говорил тихо и как-то монотонно. Это несколько раздражало Мирари, но ее сейчас все раздражало. – Ситуация все равно не критическая. У нас есть сурнджи.

– Так у нас только сурнджи и есть!

Мартин не смутился:

– Зато их много. Полный резервуар, мы их доставили живыми, они не испортятся. Сурнджи – идеальная еда для нашего положения. Они не требуют энергетических трат. Мы не можем позволить себе баловство.

В этом он, конечно, был прав: для ситуации, когда все ресурсы станции внезапно оказались ограничены, сложно было придумать более подходящую еду, чем сурнджи.

Этих созданий обнаружили еще первые поселенцы, едва попавшие на Хиону. Среди всех существ, встретившихся им на планете, медлительные и неагрессивные сурнджи были одними из самых безобидных. А еще они оказались щедрым источником пригодного для еды мяса, потому что водились повсюду и в избытке.

Вот только мясо это приходилось есть сырым. Сурнджи были хладнокровным порождением Хионы, их сырое мясо хорошо жевалось и на вкус оказалось приятно солоноватым, оно не нуждалось ни в каких дополнениях. Если же его пытались подогреть и уж тем более сварить, светло-серая плоть расплзалась, превращаясь в желе, и обретала непонятный гнилостный привкус. Так что кубики сырой плоти сурнджи быстро стали чуть ли не национальным блюдом.

И все бы ничего, если бы сурнджи не были падальщиками. Они только так и могли выживать – при чудовищной медлительности и умеренной слабости. Мирари смущала уже мысль о том, что ее будущий обед может быть нафарширован подгнившим трупом. Когда она вспоминала, что среди снегов сурнджи вполне могли добраться до погибших людей, ей становилось дурно.

Так что резервуары с этими созданиями были обустроены на каждой станции, сурнджи хорошо переносили неволю. Но ели их только те, для кого потенциальный каннибализм не был моральной проблемой. Ну или пленники снежной бури, которыми и стали все обитатели станции Нот.

Мирари понимала, что это глупо, что жизнь все равно дороже всего, а не есть даже пять дней опасно. И все равно следующие сутки она провела на воде, надеясь, что буря всех удивит и закончится раньше любых прогнозов.

Не сложилось, конечно, на следующий день буря и не думала утихать. Изрядно проголодавшейся Мирари пришлось отключить воображение и забрать свою порцию светло-серых кубиков мяса.

Ей нужно было подавать пример и оставаться сильной. Потому что она чувствовала: люди готовы к бунту. Не на грани, пока не взяли в руки оружие, но уже подумывают о чем-то таком. Они-то привыкли жить сыто и очень даже неплохо, такого бардака, как теперь, на их памяти еще не случалось. Им хотелось кого-то винить – так не себя же! Себя они уже объявили молодцами, которые для станции сделали все, что могли. А если кто и виноват, так это управляющая,

она, баба дурная, не знает, что творит! Так что, если бы Мирари дала слабину, могло случиться непоправимое.

Поэтому слабость она так и не проявила. Мирари терпела тот же приглушенный свет, что и остальные, не обращала внимания на холод, делала вид, что ее совсем не беспокоит хищный вой выюги за окном и дрожащие от ветра стены. Толпа ворчала, как обозленный зверь, но клыки не показывала.

Буря бросалась на станцию шесть дней, а на седьмой уползла дальше, в сторону города. Еще сутки она терзала Орифию и наконец отступила. Вот тогда и можно было выдохнуть: связь восстановилась, продукты привезли по поверхности, а скоро и подогнали технику для ремонта тоннеля.

Мирари нужно было радоваться, а у нее не получалось. Впервые с начала бури у нее появилось время просто остановиться и посмотреть на себя в зеркало. Отражение ее не порадовало.

Оттуда, из зеркала этого, на нее смотрела какая-то бледная, осунувшаяся тетка. Она казалась не просто старухой – она казалась больной. На коже появилась сеть мелких сухих морщин, глаза казались меньше из-за непонятных мешков. Но оно, может, и к лучшему, потому что глаза эти были покрыты ярко-красными прожилками.

Дело было не просто в усталости, похоже, организм собрался отомстить ей за переутомление. Утром она обнаружила на подушке несколько прядей волос, теперь это... Мирари чувствовала себя слабой, мысли путались, ей все сильнее хотелось кашлять, а еще – закутаться в одеяла, как в кокон, и поспать хотя бы годик.

Она убеждала себя, что выдержит, до последнего – но это не помогло. Когда ее вызвали в Орифию для отчета, она поняла, что просто не доедет. Ее шатало уже после прогулки от спальни к кабинету, какой уж тут город!

Ей только и оставалось, что вызвать к себе Мартина.

– Похоже, я... того, – раздраженно заметила Мирари. – Совсем расклеилась. И ведь непонятно, от чего!

– От усталости, – невозмутимо пояснил ее заместитель. – Ты слишком много работала в эти дни.

– Точно? Надо бы вызвать медика...

– Зачем?

– Хочу узнать, есть ли на станции другие заболевшие.

– Нет. И у тебя это не болезнь. Просто усталость.

– Но я ведь уставала и раньше, – заметила Мирари. – А такого даже близко не было! У меня на коже трещины появились, представляешь? Я их мажу жировой мазью, но пока не очень-то помогает. Да еще и спать все время хочется... Как думаешь, это могло произойти из-за того, что я питалась только этими проклятыми сурнджи?

– Нет. Ты ела их не дольше, чем все мы, а все мы – не слишком долго. Сурнджи содержат много полезных веществ. Проблема может быть в том, что ты ела меньше остальных. Мясо было свежим, его подавали сразу после разделки туши. Таких симптомов ни у кого больше нет. Все в порядке.

Мирари надеялась, что он хотя бы сейчас проявит заботу... Это же Мартин, раньше он бежал заваривать чай, даже если она от пыли чихнула! Однако теперь перед ней сидел совсем другой Мартин – выцветшая тень того, к которому она привыкла.

До нее только сейчас дошло, что он тоже устал, не меньше, чем она, просто он лучше справляется.

– Я понимаю, что тебе тоже нужен отдых, – виновато признала Мирари. – Но я пока не могу его предоставить, извини.

– Я не просил.

– Я потом тебе выходной дам, честное слово! А сейчас кто-то должен поехать в город, отчитаться ДиНаталю и отвезти туда остаток этих проклятых сурнджи, на которых я больше смотреть не могу. Я собиралась сделать это сама, но есть подозрение, что я сдохну по дороге. Поможешь?

– Конечно, – Мартин впервые за долгое время улыбнулся ей. – Отдохни и ни о чем не беспокойся. Я все сделаю. Буря закончилась, теперь все будет хорошо.

* * *

Римильда Фревилл не до конца понимала, что происходит на этом корабле, а такого с ней еще не бывало. Как шпионка она была так же хороша, как хилер. Руководство специального корпуса это ценило, ей доверяли самые сложные миссии и награждали за них очень щедро.

А миссию на «Северной короне» она даже сложной не считала. Римильда прекрасно понимала, насколько опасно связываться с Легионом: одна ошибка, и сувениры, сделанные из твоего трупa, еще десять лет будут продавать на разных планетах. Вот только Триан – это не совсем Легион, номер 7 не относится к числу фанатично верных солдат, он адекватен. Римильда не сомневалась, что о ее маленькой «подработке» он знает и относится к этому спокойно. Поэтому она и выбрала ту команду, к которой был прикреплен он.

Да и не просто команду, она надеялась оказаться поближе к нему. Раньше ведь получалось, а со своей малолетней телепаткой он, кажется, наигрался. На большую любовь Римильда не претендовала, ей это было и не нужно – от работы отвлекало. А вот поселиться в его комнате, как уже бывало прежде, она была не прочь. Триан, естественно, не выболтает ей тайны Легиона – так ведь можно узнать что-то случайно! Подслушать пару слов из переданного сообщения, бросить ненавязчивый взгляд на письмо. Стратегия была не лучшая, зато безопасная, и Римильду все устраивало.

Она даже выждала несколько дней, дала Триану время поиграть в траур, который она совсем не понимала. Он и номер 1 никогда не были по-настоящему близки, чего убиваться-то? Но в это Римильда решила не лезть, она пришла только через срок, который показался ей вполне приличным.

А ее все равно выставили за дверь. Без криков и грубости, в фирменной манере Триана – как будто он объяснил ей очевидную истину, ей просто нужно время, чтобы понять, потому что тупенькая и не доросла еще. Это бесило. Римильда не привыкла к отказам, способности хилера позволяли ей получить любого мужчину, не особо интересуясь его мнением, даже легионера послабее. Но не номер 7, этот ухмыляющийся гад блокировал любое воздействие, а давить было опасно – не факт, что она сумеет выдержать ответное давление.

Римильда слабо представляла, что происходит, ей пришлось уйти. А тут еще эта малолетка нарисовалась! Рассматривать вчерашнюю кадетку как соперницу было даже униЗИтельно. Римильда еще во время миссии на Адране понаблюдала за Альдой Мазарин и пришла к выводу, что в малолетке нет ничего особенного. Обычная нудная девица, которая старательно учит уроки в академии и так зажата, что останется девственницей лет до сорока – а то и на веки вечные. Ну и что с того, что у нее две способности? Дуре просто повезло, природа пошутИла. Даже с этими способностями Альда была всего лишь ребенком, которому доверили два заряженных ружья.

Вот только в том коридоре возле комнаты Триана на Римильду вдруг взглянул не ребенок. Хилеру показалось, что из желтых глаз телепатки на нее снова смотрит Виридиана Тассин – и вот уже мир полон арктического ветра и любая сила ставится под сомнение в сравнении с этим могуществом.

Они не были хорошо знакомы, она и Виридиана. Просто для высших номеров разных подразделений часто устраивались общие собрания, чтобы они имели хоть какое-то представ-

ление друг о друге. И вот там Римильда наблюдала за ней – а подойти не решалась. Было в номере 1 что-то настораживающее, не пугающее даже, а мгновенно выстраивающее стену между ней и окружающими. Все легионеры ведут себя так, будто они – аристократы и лучше других по умолчанию, даже Триан. Но в случае с Виридианой это казалось странно естественным: как будто она действительно королева, родилась такой, и придется принять это, нравится тебе или нет.

Тем более неожиданным был ее бесславный финал. Нельзя сказать, что это по-настоящему обрадовало Римильду, вовсе нет, но к сочувствию все же примешалась легкая доля злорадства. Хороша королева, сама рухнула с трона! Погубила себя, подвела своих. И прекрасно, что такой больше не будет.

Но вот «такая» неожиданно появилась. На какой-то короткий миг в глупой маленькой телепатке мелькнула та же высокомерная уверенность, превосходство, которое мир вынужден принимать... Почему, откуда? Римильда знала, что на Адране Альду взяли в заложницы. Эта малолетка некоторое время провела наедине с Виридианой, ну и что с того? Силу и уверенность нельзя вот так просто перенять!

Так что на общем собрании Римильда теперь с особым вниманием наблюдала не только за Трианом, но и за Альдой. Однако результатов это не принесло. Триан был... ну, просто Трианом. Он как будто дремал в своем кресле и совершенно не интересовался разговором. Альда же снова была собой: спокойной, но не ледяной, и старательно все запоминающей. Вот только Римильда была уже не уверена, где заканчивается притворство и начинается истина.

Решив, что так быстро она все равно ни в чем не разберется, Римильда сосредоточилась на словах капитана. Не важно, чего ожидает от нее специальный корпус как от шпионки, в миссии «Северной короны» ей предстояло участвовать наравне с остальными.

А капитан на этот раз не спешила ничего им объяснять. Когда вся команда собралась в круглом зале, Лукия просто включила звуковую запись, и они услышали незнакомый мужской голос, ровный и спокойный.

– Я приветствую любого, кто получит это сообщение. Мое имя – Мауро ДиНаталь. Я был главой научного отдела колониального корабля «Равана», стартовавшего с планеты Земля. Сегодня я возглавляю колонию, созданную экипажем этого корабля. Нам удалось добраться до планеты Кеплер-1638б, которую мы на правах первых поселенцев нарекли Хионой.

– Нарекли? – фыркнул Киган. – Серьезно? Он там босс или бог?

Но невидимый им Мауро ДиНаталь, отделенный от «Северной короны» грандиозным расстоянием и временем, не услышал комментариев электрокинетика, он продолжил:

– Хиона теперь наш дом. Это оказался удивительный мир: ледяной и водный одновременно. Иными словами, по сути своей Хиона – типичный водный мир. Но в силу климатических условий он постоянно скован льдом, и перемен в этом отношении не предвидится. В итоге мы имеем пусть и суровый, но подходящий для жизни людей климат, развитую флору и фауну, пригодную для строительства твердь. За годы, проведенные на Хионе, мы возвели хорошо укрепленный, абсолютно безопасный город Орифию. Пока город на планете всего один, но это не предел, особенно при поддержке со стороны. Также в нашем распоряжении несколько исследовательских станций. Мы уже знаем о Хионе очень много, а скоро будем знать еще больше. Это богатый мир с огромным потенциалом. Это наш дом. Разумной жизни на Хионе нет, поэтому никто не оспаривает право людей на обладание ею. Я не знаю, услышит ли кто-то это сообщение, когда это произойдет, какая судьба постигла другие колониальные корабли. Но я знаю, что уже сегодня Хиона готова к сотрудничеству и уверенно его предлагает. Если вы хотите работать вместе, мы открыты разным вариантам. Тем же, кто придет к нам с оружием, я могу лишь посочувствовать. Мы сделали ледяную планету пригодной для обитания за несколько десятилетий, и это – только начало. Мы ждем вас. Конец связи.

Когда сообщение завершилось, зал погрузился в тишину, и Римильда понимала, почему. Это ведь действительно впечатляло! Во-первых, колония развилась очень быстро – если этот ДиНаталь действительно покинул Землю на «Раване», значит, колония достигла уровня, необходимого для межпланетного общения, уже при его жизни. Во-вторых, качество записи было поразительным для технологий тех лет. Ну а в-третьих, такие предложения от колоний «Исхода» поступали крайне редко.

Создать полноценный дом для людей полагалось всем, кто в ту пору покинул Землю. Но справлялись немногие, большинству тех, кто кое-как пережил полет, требовалась помощь. А вот у Хионы, похоже, все в порядке...

Первым заговорил Рале:

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но Кеплер-1638б – это очень далеко.

– Ага, – подтвердил Киган. – Самая задница вселенной. В принципе, под это определение подходят многие места, но тут прям сошлось. Не представляю, как им удалось связаться оттуда!

Чего-то подобного Римильда как раз ожидала: «Северную корону» отсылали на дальнюю миссию. Насколько она могла судить, Легион оценил задание на Адране как провал. Они потеряли своего сильнейшего воина, их обвинили в атаке на пассажирский транспортник. Сейчас начнутся разбирательства как минимум на уровне специального корпуса. Легион наверняка уже сочиняет какую-нибудь байку, в которой именно он предстанет пострадавшей стороной.

А чтобы эта байка прижилась, Легиону нужно хотя бы ненадолго убрать подальше настоящих свидетелей произошедшего. Поэтому Римильда не сомневалась, что команды «Корвуса» и «Короля фоморов» тоже в ближайшее время отправятся к неизведанным горизонтам.

Ну а когда снова будет установлено, что нет в мире людей честнее Легиона, свидетелям позволят вернуться, только это уже потеряет значение.

– Это не совсем связь, – уточнила Лукия. – Прямая связь с такой планетой, как Хиона, весьма затруднительна из-за расстояния и предсказуемых помех, которые создает атмосфера. Но колонисты поступили достаточно умно: они запустили несколько относительно простых спутников, единственная цель которых – передавать записанное сообщение.

– И это, опять же, в пределах жизни первого поколения колонистов, – оценил Рале. – Да они молодцы!

– Как-то даже слишком молодцы, – нахмурился Киган. Он наклонился к компьютеру, вокруг которого собралась команда, и вывел перед ними трехмерное изображение космических карт. Сначала он указал на центральную часть: – Смотрите, мы примерно здесь. Это более-менее исследованная часть космоса. Вот тут, левее, Земля, с нее стартовали колонисты.

– Это всем известно, – поджал губы Стерлинг. – Что за история для начинающих?

Киган только фыркнул, он сместил карты так, что перед ними оказалось созвездие Лебеда. И там, среди пустоты, которая в таком масштабе казалась ненастоящей, одиноко мерцал крошечный шарик.

– А вот это нужный нам Кеплер, – пояснил механик. – Насколько он далеко? Ну, используйте термин «охренительно», потом возведите в квадрат и умножьте еще на двенадцать, и даже тогда вы получите лишь приблизительные данные.

– Ну и что? – удивилась Римильда. – Это не первый случай, когда колонисты добирались до дальних планет.

– По-моему, кое-кто слишком вольно трактует термин «охренительно»... Ладно, зайдем с другой стороны. Колонисты добирались до дальних планет, когда им в пределах жеребьевки доставались дальние планеты. Ну, или не добирались, но о них мы уже никогда ничего не узнаем. Засада с Кеплером в том, что до него и не должны были добираться. Даже при нынешних технологиях понадобится не менее трех прыжков через пространство, чтобы туда попасть.

– А во времена «Раваны» это было просто невозможно, – догадался Рале.

– Ну, возможно, раз они долетели. Но мне и самому любопытно, как!

– Это главная причина, по которой Хиона интересна космическому флоту, – кивнула Лукия. – Рэйборн не первый, кто заметил эту странность. Но ничего мистического в ней нет, у нас хватает указаний на то, что на «Раване» были собраны исключительные ученые. Думаю, на Земле их потенциал был сильно недооценен, раз им вообще разрешили участвовать в проекте «Исход», такими ресурсами не разбрасываются.

– Такое уже случалось, – заметила Римильда. – Люди, которые весьма посредственно работали на Земле и ценными кадрами не считались, совершенно иначе проявляли себя в экстремальных условиях.

– Такой вариант и рассматривается в этом случае, – подтвердила капитан. – Космическому флоту интересно очень многое: то, как корабль добрался до планеты, колония, построенная на Хионе при ограниченных ресурсах, спутники, с помощью которых было запущено это сообщение.

– Но не факт, что там все это есть, – задумчиво указала Альда. – Сообщение было запущено при жизни Мауро ДиНаталя, с тех пор многое могло измениться.

– И менялось, но только в лучшую сторону. Колония до сих пор существует, она развита и готова к переговорам.

– Что? Откуда это может быть известно, капитан?

– Сообщение ДиНаталя было получено не сейчас, – ответила Лукия. – Его перехватили примерно год назад. Тогда же специальный корпус попробовал связаться с Хионой – и получил ответ. Но проблема в том, что расстояние и помехи действительно работают против нас. Общение в режиме реального времени невозможно, между вопросом и ответом проходит не меньше месяца, а иногда и больше. Послушайте.

Сообщение определенно смонтировали так, чтобы убрать паузы. Послания космического флота звучали четко и громко, зачитывались они разными голосами – в зависимости от того, кто оказывался на дежурстве. Ответ с Хионы всегда поступал от одного человека, но это был уже не Мауро ДиНаталь.

– Хиона, как слышите нас? Запрашиваем подтверждение, что колония все еще существует и заинтересована в сотрудничестве.

– Это Хиона. Меня зовут Кристиан ДиНаталь, я управляю колонией. Город и станции существуют. Мы готовы к сотрудничеству. С кем я говорю? Какую колонию вы представляете?

Новый глава станции ничего не сказал о предыдущем, но его фамилия служила лучшим пояснением. Похоже, когда время Мауро ДиНаталя вышло, он передал власть сыну – или даже внуку. По голосу сложно было определить возраст, потому что голос этот был едва различим за жуткими помехами.

– Хиона, вас поняли. Мы представляем сообщество колоний. Можем предложить разного рода сотрудничество – торговлю, обмен специалистами и опытом. Что вы можете предложить в ответ?

– Колония развита. У нас есть все сведения о растительном и животном мире. Есть что обсудить. Связь отнимает слишком много времени. Пришлите людей для переговоров. Мы гарантируем безопасность.

Голоса сменились помехами, а потом затихли и они – Лукия отключила запись.

– На этом пока все. Последнее сообщение мы получили несколько месяцев назад, но делаем поправку на задержку. Не все сообщения проходят: к Хионе уже были отправлены скоростные наблюдательные спутники, они определили, что для планеты свойственны сильные снежные бури, которые сбивают связь.

– А колонию между делом не снесло? – поинтересовался Киган.

– Нет, колония все еще там. Все именно так, как и было заявлено: мы обнаружили один крупный город и четыре станции, расположенные на значительном расстоянии от него.

Словно желая подтвердить свои слова, Лукия вывела на экран изображение, полученное от спутников. Изображение мало что поясняло: сквозь снежную завесу можно было разглядеть разве что контуры города и мутные пятна станций.

Впрочем, и это оказалось любопытно. Римильда уже видела, что город полноценный – не какие-то там лачуги, собранные из обломков корабля, а крепкие каменные здания, похоже, многоэтажные. Интересно, откуда они взяли камень в изначально водном мире? Хотя, если они наловчились делать спутники, могли изобрести и технологии, позволяющие им опускаться под лед, а там какие-то скалы наверняка есть.

– Вряд ли у них найдется что-то ценное, – заявил Стерлинг. – Ну, город и город. Что, поближе городов нет? Я считаю, что тратить ресурсы на такое путешествие без каких-то конкретных обещаний со стороны колонии неоправданно!

– Существует вероятность, что вы правы, Витте, – сказала Лукия. – Однако космический флот по какой-то причине не запросил ваше мнение. Задание нам выдали без права обсуждения.

– Мы должны лететь туда... зачем? – уточнила Римильда. – То есть, конечная цель какая?

Она, в отличие от Стерлинга, не возмущалась. Она понимала, что им бы пришлось лететь далеко в любом случае, пока Легион не закончит свои бюрократические игрища. С этой точки зрения, им достался еще не худший расклад. Их направляли в колонию, которая стабильна и дружелюбна, это почти отпуск! Хотя многое тут зависело от того, что именно нужно флоту.

– Задача номер один – наблюдение, – сообщила капитан. – Мы должны оценить состояние колонии и ее потенциал. Задача номер два – сбор данных о том, как «Равана» сумела добраться так далеко вопреки прогнозам. Задача номер три – переговоры, если для этого есть основания. На начальном этапе наша миссия выглядит так.

Вот теперь Римильда позволила себе улыбнуться. Получается, Легион на пару со специальным корпусом просто решили придержать сильную команду на скамейке запасных, никто их не наказывает и настоящей угрозы это не несет, обошлось! Осталось только перетерпеть дурацкое долгое путешествие, и все, уютный отдых среди снегов обеспечен, а там, как знать, и Триан может одуматься, стать прежним собой... Тогда вообще будет не задание, а отпуск.

Покидая зал собраний, Римильда действительно верила в это. Она даже не подозревала, насколько сильно заблуждается.

* * *

Элия прекрасно знал, что для своего отца он был неудачным сыном. Разочарованием, особенно по сравнению с Кристианом. Потому что Кристиан чуть ли не с младенчества чувствовал ответственность за великую фамилию, он готовился к тому, что однажды примет наследство отца. А Элию власть никогда не интересовала, ему куда приятнее было скользить сквозь снега, чувствуя себя по-настоящему свободным.

Раньше, пока он был ребенком, а затем и подростком, борьба за его судьбу продолжалась. Отец надеялся его изменить, а Элия чувствовал определенную вину за то, что родился недостаточно правильным. Однако потом обе стороны вынуждены были признать, что другим он никогда не будет. Мауро оставил его в покое, сделал ставку на Кристиана и в последнее время вообще вел себя так, будто у него изначально был всего один сын. Элия же старался как можно реже бывать в городе и не участвовать в официальных мероприятиях.

Но сегодня он сделал исключение, воспользовался своим именем, чтобы попасть на встречу с представителями станции Нот. Он понимал, что необходимости в этом не было. Вынужденные дни их изоляции напугали Орифию, так ведь все в итоге закончилось хорошо! Тоннель восстановили – пока аварийно, но скоро обещали починить нормально. На станцию

доставили аккумуляторы, продукты и лекарства, оттуда вывезли партию мяса и шкур. Жизнь готовилась пойти своим чередом.

И все равно Элии было беспокойно. Сколько бы он ни повторял себе, что странности накануне бури ему просто почудились, поверить в это до конца почему-то не получалось. Ему снились дурные сны, его не покидала тревога. Ему нужно было лично встретиться с Мирари и обсудить с ней то, как станция жила эти дни. Пусть даже Мирари снова будет ворчать, пусть наорет на него, ему было все равно. Правда нужна была ему из первых рук.

Вот только добиться этого так и не получилось – Мирари в делегации попросту не было, вместо нее явился Мартин Видал, ее первый заместитель. Это было нестрашно само по себе, в городе не обратили внимания, отец не задал ни одного вопроса. А вот тревога Элии лишь усилилась. Одна странность, потом вторая, третья... не слишком ли много? Особенно подряд...

После долгих часов ожидания он наконец улучил момент, когда Мартин остался один, и попытался выяснить, где, собственно, носит управляющую.

– Она заболела, – спокойно пояснил Мартин. – Из-за экономии энергии у нас было очень холодно. Многие простудились.

– И что? Мирари позволила какой-то сопле в носу ее остановить? Да ладно тебе, это же Мирари! Если бы ее вызвали на отчет, она бы приползла даже с оторванными ногами!

– Это безответственно – вот так играть собственным здоровьем. Мирари это поняла, потому и осталась на станции.

– И тебя это совсем не беспокоит? Насколько же плохо ей должно быть, если она не решилась приехать?

– Ей не очень плохо. Она просто поняла, что лучше отлежаться сейчас, чтобы не стало хуже. Приезжай на станцию, и ты сможешь ее увидеть. Мне нужно идти.

А вот и четвертая странность подоспела. Нет, Мартин все говорил правильно, как и полагалось заместителю управляющей. Проблема в том, что в этих словах не было самого Мартина!

Элия общался с ним даже чаще, чем с Мирари, и помнил совсем другим. Главный охотник станции Нот не отличался серьезностью и ответственностью своей начальницы. Мартин обычно поступал так, как ему удобней, и вольно трактовал любые правила. А еще он искренне заботился обо всех, о Мирари – в первую очередь.

Но вот она больна настолько, что не может покинуть станцию, и какова же его реакция? Ровный тон и вежливая улыбка!

Хотелось упрекнуть его за это, обвинить во лжи, да не получалось. Нет нормы сочувствия, сострадания или заботы. Мартин сам вымотался, поэтому и реагирует именно так. Он-то знает, что ничего особенного не происходит, чего ему волноваться?

Элии сложно было определить черту между реальными нестыковками и собственной паранойей, поэтому он просто сдался. Он и так задержался в городе, буря давно прошла стороной, можно было возвращаться на свободу. Правда, не на станцию Нот – туда ему почему-то не хотелось. Элия решил, что займется разведкой неподалеку от города, чтобы определить, как повлияла на равнины буря.

Он ожидал, что проведет эти дни один, и даже хотел этого: вынужденное общество людей утомило его. Однако очень скоро он обнаружил на своем пути еще один снегоход. Второй водитель тоже его не проглядел, да и сложно упустить черное пятно в абсолютной белизне. Снегоход остановился, и Элия, подобравшись поближе, узнал Гектора Риверо. Гектора вообще несложно было узнать, он один на Хионе носил штаны и куртки немыслимых цветов, да еще украшал шапку какими-то меховыми лентами. Он утверждал, что так отпугивает хищников. Горожане считали это очередным подтверждением того, что свои мозги Гектор давно уже преподнес в дар снежным демонам – от большой любви.

– Ты что, следишь за мной? – подозрительно прищурился Гектор. – Тебе отец поручил или как?

Что ж, если и был на Хионе более подозрительный человек, теперь Элия его встретил. Пожалуй, именно таким он этим утром предстал перед Мартином во время их разговора.

– Слежу, но не за тобой, – пояснил Элия. – Меня больше интересует, как эта буря повлияла на миграцию. Такие всегда влияют, сам же знаешь.

– Я-то знаю. Но откуда это знаешь ты?

– Гектор, перестань, а то реально поверю, что ты спишь с кастрюлей на голове.

– Что, уже и такое про меня сочиняют? – удивился Гектор.

– Могу все байки рассказать, народная фантазия тебя удивит.

– Если меня что и удивляет, так это их готовность потратить бесценное время на придумывание всякой бредятины!

– Но ты же им старательно подыгрываешь. – Элия кивнул на ярко-красную куртку собеседника, расшитую зелеными лоскутами. – Если хочешь, я поеду в другую сторону, мне без разницы.

– Да ладно, держись рядом, мне-то что?

Элии действительно было все равно, одному ехать или нет. Он привык к долгим часам наедине с пустотой и даже научился не бояться Безмолвия. Вот и сегодня он был уверен, что это будет типичное дежурство после бури, одно из многих. А оказалось иначе, и очень скоро он был рад, что остался рядом с Гектором.

Яркое пятно они увидели издали. Не могли не увидеть – слишком хорошо просматривалась равнина, слишком мало цвета было на Хионе. Среди белого пространства небольшой холм, окруженный красными разводами, мгновенно привлекал внимание и уже не отпускал, наполняя душу непривычным ужасом. Элия пока не сообразил, на что именно они смотрят, но сразу почувствовал: это плохо. То самое «плохо», которое не проходит со временем, а постепенно превращается в «хуже».

Ехать туда не хотелось. Проще было закрыть глаза, развернуть снегоход и поспешить обратно в город. Потому что в Орифии безопасность – не его ответственность, там он может укрыться за сторожевой стеной и позволить другим решать проблемы. Но – нельзя, потому что эту проблему городская стража вряд ли решит... Вряд ли даже узнает о ней. Они пока находились не слишком далеко от города, но добирались до этой равнины только зоологи, да и то не всегда.

Гектор если и испугался, то виду не подал. Он первым направил снегоход к кровавому пятну, Элии только и оставалось, что следовать за ним. Он напряженно всматривался в жуткий узор, пытаясь определить, мелькает ли там хоть какое-то движение, есть ли еще угроза.

Ни угрозы, ни движения не было. Когда они добрались до красного пятна, перед ними предстало чудовищное, но уже не опасное зрелище... Сейчас не опасное. Элия понятия не имел, чем все это способно обернуться в будущем.

– Это что... йотун? – прошептал он.

Говорить громче здесь, рядом с истерзанными останками, почему-то не получалось.

– Буйвол Саймона, – напряженно поправил Гектор, не отрывая глаз от труп.

– Тебе даже сейчас нужно оставаться таким занудой?!

– Я предпочитаю сохранять разумный подход всегда, а здесь он особенно нужен.

Буйвол Саймона, которого еще со времен первых поселенцев прозвали йотуном, был самым крупным животным на ледяной поверхности Хионы. Гигант, покрытый длинной белой шерстью, достигал в длину десяти метров и обладал поразительной силой. Первые люди из-за медлительности и легкого сходства с земными слоном, буйволом и бегемотом приняли его за травоядное. Это стало ошибкой – травоядных на поверхности не водилось, слишком уж редкой и недоразвитой была флора льдов.

Шестиногий йотун был выжидающим хищником. Длинная шерсть и внушительный слой жира позволяли ему днями таиться среди снегов, выдавая себя за пологий холм. Но когда неза-

дачливая жертва приближалась, йотун атаковал – выпрямлялись ноги-колонны, поднимая его над добычей, слышался оглушительный, парализующий страхом рев. Открывалась клыкастая пасть, спрятанная среди защитных костяных наростов на морде. Йотун протыкал жертву бивнями, подбрасывал ее, истекающую кровью, в воздух и пожирал целиком. Эти создания, опасно сильные и настойчивые, были для города такой же угрозой, как снежные демоны, именно из-за них Мауро ДиНаталио пришлось в первые же годы изобрести сторожевую стену.

Йотуны обычно держались сами по себе, в небольшие стаи они сбивались только ради размножения. Им не было нужды бродить тут вместе: они никого на этой планете не боялись, да и не зря. Убить такую тварь было почти нереально из-за крепкой шерсти и плотной шкуры, которую не брали когти и клыки снежных демонов.

Вот только этому йотуну не повезло... Его убили и разорвали на части, сожрали почти все, оставив лишь окровавленный костяной каркас и обрывки шкуры. Следы на снегу и отпечатки клыков на костях непрозрачно намекали на то, кто это сделал.

– Снежные демоны? – пораженно спросил Элия. – Но... как?

– Сам не знаю.

Гектор опустил на колени возле выпирающих костей, напряженно разглядывая отпечатки клыков. То, что он не знал, было не меньшим шоком, чем само это убийство. Он ведь действительно был помешан на снежных демонах, он годами за ними следил! Он изучил их и сто раз подтвердил свои знания, все пособия, связанные с этими хищниками, были написаны именно им.

Но теперь его любимцы сделали то, что сделать никак не могли – и он оказался в тупике.

– Здесь, похоже, только кровь йотуна, – тихо заметил Элия. – Он не убил и даже не ранил ни одного из нападавших. Так не может быть!

– Не может. Но было.

– Тебе не кажется, что они какие-то слишком крупные? Я по следам и по клыкам сужу...

– Кажется. Они были крупнее нормы.

– Значит, это не снежные демоны?

– Я еще не знаю. Но может оказаться, что не они, следы смазанные.

– Тогда кто? Только снежные демоны и подходят, больше никаких вариантов придумать не могу!

– Я не знаю, Элия, ты можешь помолчать?!

Только теперь до Элии дошло, что Гектор перестал его поправлять и уже не настаивает, чтобы снежных демонов называли правильно. И хоть внешне Риверо оставался спокоен, эта перемена намекала, насколько он шокирован на самом деле.

Так что нервную болтовню пришлось прекратить, хотя от этого становилось только хуже: страх рвался на свободу со словами. Чтобы не сорваться, Элия отошел в сторону, отвернулся от кровавых останков.

Легче не стало. Перед ним повсюду стелилась идеальная белизна, земля, сливающаяся с молочным небом. Мир, поглощающий любые звуки, величественный и могущественный. Бескрайний и на самом деле не понятный, что бы там ни придумали себе жалкие человечки, свалившиеся однажды из космоса. Позволявший им жить здесь, пока они его забавляли, но, быть может, наконец уставший от них?

Элия родился на Хионе, вырос здесь, он привык считать это место своим домом, а значит, не бояться. Кто же боится своего дома? Но события последних дней пошатнули его уверенность, заставили задавать себе вопросы, которые раньше казались бредовыми и даже кошмарными.

Что, если они поторопились с самоуверенным признанием Хионы изученной, понятной и покоренной?

Что, если на планете есть кто-то еще?

Глава 3

К тому, что в ее семье все ссорятся со всеми, Вердад давным-давно привыкла. Как и к тому, что младшенькую традиционно не замечают. Отец был слишком занят, чтобы уделять внимание еще и ей. Дедушка, кажется, из принципа игнорировал всякого, кто не считался совершеннолетним и способным позаботиться о себе. С дядей Элией было куда интересней, но он появлялся у них в гостях очень редко, а выходить за пределы города Вердад строжайше запрещалось.

Она не бунтовала, ей и не обязательно было, чтобы ее замечали и регулярно хвалили. Напротив, Вердад вполне устраивало одиночество, ей нравилось представлять себя невидимкой. Она знала о городе куда больше, чем все ее родственники вместе взятые, просто не болтала об этом.

Вот и сейчас она устроилась на крыше прямо над открытым окном, чтобы подслушать спор старшего поколения. Это оказалось несложно: собравшиеся орал друг на друга так, что до Вердад долетело бы каждое слово, даже если бы она осталась в своей комнате.

– Мы не можем игнорировать такую угрозу! – настаивал дядя Элия. – С животными равнин творится демон знает что! Наледные ушли. Подводные не показываются даже возле больших прорубей. Добычи у охотников стало меньше, они вынуждены уходить дальше, и началось это задолго до бури.

– И что? – удивился отец. – Миграция меняется.

– Да, но в этом случае все выглядит каким-то... спланированным. Как будто добычу намеренно отгоняют, чтобы и мы шли подальше! Я уточнил на станциях, за последние несколько месяцев три группы выпадали из контакта на десять-пятнадцать дней.

– Ну и? – со смешком поинтересовался дедушка. – Мне об этом известно. Мне все известно о моей колонии! Пропавшие группы вернулись живыми и невредимыми. Остальное не важно.

– Живыми – да. Но точно ли невредимыми? Судя по отчетам медиков, у некоторых членов охотничьих групп наблюдались симптомы болезни, которая потом встречалась и на их станциях.

– Это какие же?

– Слабость, утомляемость, спутанность мыслей, сильный конъюнктивит, головные и мышечные боли...

– Хватит, – прервал его отец. – Ты сам не слышишь вообще, что перечисляешь? Это типичные симптомы простуды, вызванной переохлаждением, она постоянно встречается на станциях.

– Но не так часто!

– Сейчас просто чуть чаще и не до уровня эпидемии. Все заболевшие выздоровели.

– Выздоровели, – согласился дядя Элия. – Но они ведут себя как-то странно... Ты говорил с ними? Они ж на себя не похожи!

– Да, я с ними говорил. Мне показалось, что они ведут себя вполне достойно, а странно ведешь себя ты.

– Кристиан, да послушай же ты меня! Рядом с городом появились какие-то непонятные крупные хищники, которые действуют подозрительно умно. Животные сбегает из ловушек. То одно, то другое случается... Мне кажется, идет подготовка к чему-то серьезному!

– Я как будто снова с Гектором Риверо говорю, – заметил дедушка. – Второй такой псих в городе не нужен, а уж тем более в нашей семье. Ты думаешь, ты тут самый умный? Да только самый бесполезный! Пока ты катался на своей снежной игрушке, мы наладили идеальную систему защиты. Непробиваемую! Да, возможно, из-за частых бурь местное зверье сменит

какие-то свои повадки. Города это не коснется! Я регулярно получаю отчеты от охотников. Наши продовольственные склады полны. Ни один хищник не представляет угрозы даже для станций, не то что для Орифии. Что еще тебе нужно?

– Чтобы ты слушал не только охотников, но и меня – ну так, для разнообразия, – заявил дядя Элия. – Охотники заняты своим делом, они не присматриваются к тем, кого убивают. Да, сейчас перемены незначительны и неочевидны. Но велика вероятность, что дальше будет хуже, так давай подготовимся, когда это легко!

– Не к чему готовиться, – отрезал дедушка. – Ты ошибаешься – это не редкость. А если ты вдруг окажешься прав, ничего страшного все равно не произойдет. Я найду новый способ защитить своих людей, всегда находил. Если у тебя есть время придумывать страшилки, есть время и на работу. Подбери лучше новые безопасные маршруты для наших охотников, раз уж ученым зовешься!

Вердад только укоризненно покачала головой, хотя никто ее сейчас не видел.

Вот в этом был весь дедушка – «мои люди», «я справлюсь»! Похоже, он так часто рассказывал легенду о своем подвиге, что и сам поверил в свою исключительность. Он давно уже не признавал никаких советов, все в колонии выполняли только его приказы. Свое мнение разрешалось иметь лишь в сферах, которые были неинтересны великому Мауро ДиНаталю. Вердад подозревала, что ни к чему хорошему это не приведет, но благоразумно помалкивала.

Нет, изначально ее дед действительно совершил подвиг, что уж отрицать. Это даже в школе теперь изучали. Корабль, на котором колонисты покинули Землю, сбился с пути из-за поломки. Они застряли в космосе, далеко от... да от всего далеко. Рядом с ними больше не было ни планет, пригодных для проживания, ни других колонистов.

Капитан тогда растерялся, люди были на грани паники. Один только Мауро, тогда еще молодой и наглый, не сплеховал. Он сумел изменить двигатели корабля так, что их хватило еще на один рывок, они дотянули до Хионы. Тоже, конечно, не рай – но уж точно не пустота и не верная смерть!

Вердад и вовсе нравилась эта планета, потому что о другой девочка знала только с чужих слов. Земля казалась ей ненастоящей, а вот Хиона была понятной, простой и даже родной. Так или иначе, это теперь их мир.

Однако они не хозяева этого мира, тут дедушка, конечно, перегнул. То, что они отвоевали у Хионы крошечный кусочек ледяной тверди, не значит, что они постигли суть планеты и всегда будут удерживать контроль. В этом плане мышление дяди Элии было Вердад ближе.

Она не бывала на станциях и не так хорошо разбиралась в природе Хионы, но и она чувствовала смутную тревогу. Вердад не могла объяснить, почему. Недавняя буря была сильной, однако не самой разрушительной за всю историю колонии. И все-таки что-то после разгула стихии изменилось... или до него? В общем, неприятно стало еще до того, как пришел дядя Элия, и его слова лишь усилили беспокойство Вердад.

Жаль, что отец и дедушка этими словами не прониклись. Они все-таки выставили дядю за дверь, посмеялись над ним и на этом сочли обсуждение законченным. Вердад такое легкомыслие злило, ей хотелось зайти туда, объяснить им, что они не правы, нельзя отмахиваться от предупреждений ученого, люди действительно приходят со станций какими-то странными...

И все же она сдержалась. Вердад было мало лет, а выглядела она даже младше своего возраста. Самое большое, что она получила бы от скандала с дедом, – домашний арест на несколько недель.

А сидеть дома она не любила, поэтому с крыши направилась сразу на внешнюю лестницу, оттуда – на улицу. Ей хотелось прогуляться, может, даже догнать дядю Элию и расспросить о том, что он видел за сторожевой стеной.

Вот только дядя уже ушел. Хотя этого следовало ожидать: ходит он быстро, особенно когда бесится. Он скрылся где-то в лабиринтах улиц и пойти мог куда угодно, хоть к воротам,

хоть Гектора искать. Вердад решила, что поисками испортит себе настроение еще больше, и предпочла обычную прогулку.

Город успокаивал ее. Орифия жила привычной жизнью, последствия бури давно устранили, улицы расчистили от снега. Открылись магазины и рестораны, еды хватало повсюду, никто не паниковал, люди улыбались новому дню.

Постепенно их настроение передалось и Вердад. Почему она вообще решила, что прав дядя Элия? Только потому, что он – бунтарь, а дедушка ее порой раздражает? Нет, всему есть предел. Даже если у станций будут какие-то проблемы, город выстоит, он действительно защищен великолепно. Он существует так много лет, его не может не быть!

Вердад постепенно успокоилась, она тоже начала улыбаться. А потом со стороны, с улицы, ведущей к центральному продовольственному складу, послышался непривычно надрывный кашель.

И хотя в кашле не было ничего страшного, Вердад невольно вздрогнула и поспешила заглянуть за угол. На улице сейчас стояли двое мужчин, судя по нарядам – даже не посланники станций, а самые обычные местные доставщики, забирающие заказы ресторанов со склада.

Один из них выглядел здоровым и вполне бодрым, а вот второго согнул чуть ли не пополам приступ надрывного кашля. Этот тип казался откровенно больным: бледный какой-то, с красными слезящимися глазами, стоит, шатается... Как такого вообще из дома выпустили, не то что на работу послали? Вердад знала, что люди порой поддаются холоду и болеют. Но такого она еще не встречала.

Здоровый напарник кашляющего типа думал так же:

– Шел бы ты к себе, отлежался, что ли... Нехорошо это!

– Да ледака схватил, пройдет! – попытался улыбнуться болезненный.

– Ничего себе – схватил ледака! Вообще не похоже!

– Сам виноват: выскочил в ту бурю двор накрывать, на ветру пробыл всего ничего, сначала-то нормально было, а через несколько дней вот, развезло.

– Точно не хочешь взять отгул?

– А жить я на что буду? Нет, брат, в этом городе никто никогда не болеет, потому что нельзя! Сейчас отпустит – и пойдем, я в порядке!

Однако сразу пойти не получилось, новый приступ кашля снова задержал его. Этот был недолгим, но каким-то особенно суровым: Вердад с испугом ожидала, что у мужчины просто разорвется грудь, заливая улицу алыми потоками.

И все же ничего настолько страшного не произошло. Приступ наконец завершился, мужчина с удивлением посмотрел на ладонь, которой прикрывал рот, раздраженно вытер о штаны что-то темное и направился прочь.

Он ведь сказал своему спутнику правду: в этом городе никто никогда не болеет. Потому что нельзя.

* * *

Альда терпеть не могла прыжки через пространство. Они не влияли на нее так, как раньше, привыкла уже – но не до конца. Каждый раз, когда «Северной короне» нужно было скользнуть через огромное расстояние на повышенной скорости, телепатка просто терпела.

Для большинства путешествий хватало одного прыжка, и это не могло не радовать. Но с Хионой нужно было выдержать аж три, и дело тут было не только в расстоянии. Прыжком управлял автопилот, и капитану нужно было выбрать маршрут так, чтобы кораблю не потребовались сложные маневры. На такой скорости «Северная корона» могла сносить на своем пути незначительные преграды, но, если бы она столкнулась с планетой и уж тем более со звездой, никто не выжил бы.

Вот здесь и потребовались три прыжка: кораблю нужно было остановиться, чтобы повернуться в нужную сторону, и только после этого снова набирать скорость. Таких путешествий в жизни Альды еще не было, но она успокаивала себе тем, что подобное случается не так уж редко. Вон, все остальные спокойны – даже капитан Лукия, которая проводит все эти грандиозные расчеты! Так с чего бы беспокоиться телепатке?

Два прыжка действительно прошли привычно – неприятно, но терпимо. Пауза между ними получилась недолгой, Альда даже не выходила из своей комнаты. Однако после второго прыжка выйти все же пришлось: зазвучал сигнал предупреждения.

Сначала Альда и вовсе приняла его за сигнал тревоги. Воображение, еще туманное после прыжка, тут же бросилось рисовать жуткие картины мучительной гибели: корабль поврежден, сейчас воздух кончится, их тела никогда не найдут и не похоронят!..

Но потом онемение отступило, вернулась способность мыслить здраво, и Альда поняла, что сирена завывает не так громко и противно, как положено при тревоге, да и световых сигналов нет. Значит, речь все-таки шла о предупреждении. Опасности для корабля и его команды пока нет, но угроза может появиться, так что всем необходимо собраться у панели управления.

Натягивая форму, телепатка проверила, кто ее окружает. С командой и правда все было в порядке: все живы, здоровы и насторожены не меньше, чем Альда.

А еще рядом есть посторонние.

Так не должно было случиться: после двух прыжков «Северная корона» оказалась очень далеко от общих маршрутов. Сюда не долетают ни пассажирские транспорты, ни торговцы... Но кто тогда, пираты? И они рискнули высунуться перед военным кораблем? Бред какой-то... В любом случае, в своих способностях Альда не сомневалась. Она точно знала, что рядом с «Северной короной» сейчас находятся два корабля, в каждом из них – по пять человек.

До точки сбора она добралась одной из последних и обнаружила, что корабли не скрываются. Два космических истребителя замерли перед «Северной короной», преграждая ей путь – они направляли на нее оружие! Так вели себя пираты, вот только на пиратов они не походили.

Потому что даже самые удачливые из пиратов обычно летают на пассажирских кораблях, кустарно переделанных под боевые. А эти машины были идеальны – одна из новейших моделей, одинаково блестящие черной краской, с серебристым символом одного из подразделений специального корпуса на крыльях.

– Это что, Легион? – нахмурилась Римильда. – Это истребители Легиона?

– Они самые, – невозмутимо подтвердил Триан.

– Что они здесь делают?

– Понятия не имею.

– Триан, прошу вас воздержаться от шуток, – вмешалась Лукия. – Нам действительно требуется пояснение.

– Это понятно, капитан, но у меня его нет. В этих кораблях даже не легионеры, это солдаты, которые работают на Легион.

Альда тоже неплохо знала инструкции и понимала, что так не должно быть. Истребители не могли оказаться на их пути случайно – и уж тем более не должны были направлять на них оружие. На «Северной короне» указано название корабля и его номер, выяснить, что он собой представляет, можно за три секунды!

Однако озадачиваться этим истребители не собирались. Очень скоро от них поступило сообщение:

– Назовите себя.

– Говорит капитан Лукия Деон, номер 17 в иерархии специального корпуса. Это корабль «Северная корона», мы направляемся в созвездие Лебеда в рамках проекта «Исход». У нас официальное задание. Освободите дорогу.

Этого должно было хватить. Этого было даже больше, чем достаточно – Лукия вообще не обязана объясняться, все задания внесены в единую базу данных. Но отступить Легион не собирался:

- Ответное сообщение не получено из-за технической проблемы. Назовите себя.
- Да они издеваются, что ли? – возмутился Киган.
- Нет, они не издеваются, – напряженно произнесла Римильда. – Они провоцируют.
- Отставить такие разговоры, Фревилл, – велела капитан. – Мы не имеем права допускать, что Легион способен на подобные поступки.

Говорить она могла что угодно, но правду Лукия наверняка понимала. Все, что происходило сейчас, ровно в точке выхода «Северной короны» из прыжка, не могло быть ничем, кроме провокации. Легион заранее узнал, на какое задание их направили, и послал свои истребители перехватить их.

Альда невольно подумала о том, что такие же корабли могли выпустить дрон, безо всяких сомнений уничтоживший огромный пассажирский транспортник возле Адрана. И кто тогда был наказан? Да никто, дело толком не расследовали!

Лукия повторила ответ, но и на этот раз солдаты Легиона сделали вид, что ничего не поняли и очень этим встревожены. Оружие они не убрали.

- Рэйборн, «Северная корона» сможет выстоять, если они нападут? – уточнила Лукия.
- Ну, драться с ними проблематично, не для того корабль создавался, – указал Киган. – Мы можем попытаться уйти за счет сложных маневров, но начинать нужно уже сейчас...

И вот тут наконец соизволил вмешаться Триан:

- Так, стоять! Никаких маневров.
- Что вы тогда предлагаете, Триан?
- Что они делают, то и вы делайте. Они делают вид, что глухие дебилы и не слышат ответ, – без проблем, повторяйте ответ на каждый их запрос. Рекомендую сразу сделать запись, чтобы каждый раз с нуля не надиктовывать.
- Если по нам пальнут из всех орудий, мы не выдержим, – мрачно предупредил Киган.
- Они не пальнут по нам даже из одного орудия, не то что из всех. Там уже за то время, что мы здесь стоим, пилот три раза обгадился от ужаса успел. Не верите мне – пусть телепатка наша проверит.

Альда проверила и без его советов, терпеть собственную тревогу она не собиралась. Просто сразу сказать об этом она не могла, потому что официально такая проверка требовала позволения Лукии. Зато когда капитан кивнула ей, она наконец сообщила:

– Триан прав, они действительно не готовы пойти дальше такого вот психологического воздействия.

– Не понимаю... зачем им это? – поинтересовалась Лукия. Она даже сейчас казалась равнодушной, хотя Альда все же сумела уловить ее удивление. – Чего они могут добиться? Они всего лишь отнимут у нас время, да и то немного.

– Они не знают, капитан. Им дали приказ делать ровно то, что они делают сейчас, никто им ничего не пояснял. Они готовы повторить запрос еще пять раз, потом перед нами извинятся и позволят лететь дальше. Иных последствий не будет.

– Это по-прежнему бесполезная трата ресурсов, причем немаленьких. Триан, возможно, объяснение есть у вас?

– Да не ищите никакую причину, все наверняка сведется к чему-то по-детски простому. Либо кто-то намудрил с приказом, его отдали не тем и не тогда, либо это вообще какой-нибудь прикол, в Легионе и не такое бывает. Думаю, если вы направите официальную жалобу в руководство специального корпуса, задора у шутников резко поубавится. Но делать это лучше после третьего прыжка.

– Поняла вас, Триан. Тогда повторяем ответ пять раз и продолжаем путь.

Триан отыграл свою роль на отлично, но с ним иначе и не бывает. Он казался скучающим, ситуацию с истребителями находил занятой – и не более того. Он сумел обмануть всех, даже Римильду, не сводившую с него глаз.

И только Альда чувствовала, что на самом деле ему совсем не весело. Связь с ним давно уже была куда крепче, чем с другими членами экипажа. Сложно сказать, произошло это из-за миссии на Левиафане или после того, как она защитила его сознание от Стефана, но факт оставался фактом: они стали связаны крепче, чем раньше. Впрочем, Альда не была уверена, что сам Триан это заметил.

Она давно не использовала мысленную связь с ним, потому что не знала, что сказать, да и, что таить, несколько обижалась за демонстративное равнодушие. Но играть в детские обиды можно было в свободное время и уж точно не на задании. Так что Альда обратилась к нему почти сразу.

«Что происходит на самом деле?»

«Почему так сложно поверить в версию с приколом?», – поинтересовался Триан. Упрекать ее за то, что она влезла ему в голову, он не стал, но блок поставил, Альда это почувствовала.

«Слушай, остальные поверили в твою версию с приколом, потому что они сейчас сосредоточены на миссии, причем сложной миссии. У них нет ни сил, ни настроения отвлекаться на закидоны Легиона. А я девочка опытная, я умею думать несколько мыслей одновременно. Так что происходит на самом деле?»

Альда ожидала, что он еще немного поупрямится, пытаясь отвязаться от нее нейтральными версиями. Но Триан, видно, и сам сообразил, что ложь она легко распознает, какие бы блоки он ни ставил, и не отвяжется, пока не вытянет из него правду. Поэтому к правде он и перешел.

«Это предупреждение, мелкая. От Легиона».

«Северной короне?»

«Лично мне. «Северная корона» им важна не больше, чем внутренние конфликты Холинсу. Просто миссия на Адране получилась на редкость паршивой, это ты и так знаешь».

«И что? За всеми, кто в ней участвовал, теперь будут истребители гоняться?»

«Возможно, за всеми, ты явно недооцениваешь бюджет Легиона. А может, только мне такой бонус достался».

«Почему только тебе? – возмутилась Альда. – Там все облажались даже с точки зрения Легиона!»

«Много ты знаешь про точку зрения Легиона... Но дело не в этом. В Легионе никогда не прекращалась борьба за власть, просто иногда она идет вяло, иногда обостряется».

«И из-за смерти Дианы все обострилось?»

«Именно. Все остальные участники действия на Адране занимают чью-то сторону, так или иначе. Я же непонятно где. Сегодня мне намекнули, что эту вольницу пора сворачивать».

На уровне мыслей эмоции скрывать сложнее, и Альда не могла не заметить, насколько устало звучал его голос. Теперь понятно, почему он столько дней оставался один... Она подозревала, что все дело в скорби о Диане, хотя такая сентиментальность была несколько странной для Триана. Но если предположить, что он не сидел и лил слезы, а пытался просчитать, как отреагирует Легион и как ему вывернуться... вот это уже больше похоже на привычного ей Триана.

Теперь же Легион не просто угрожал ему. Оружие направили на всю «Северную корону», намекнув Триану, что его команда может пострадать из-за него.

«И что ты будешь делать?», – настороженно спросила Альда.

«Еще не знаю, мелкая. Это не та ситуация, когда можно кому-то послать сообщение «Ребята, я с вами!» и пару забавных картинок. Любое заявление о лояльности потребуют подкрепить делами... Короче, все сложно».

«Я могу помочь тебе».

«Вот уж нет, – отрезал Триан. – И помогать не будешь, и держаться от меня еще дальше начнешь. Сегодня они были осторожны, потому что знают: команда «Северной короны» не так уж важна для меня...»

«Но это же неправда!»

«Правда, мелкая. Запиши, если запомнить не сможешь. А если они хотя бы заподозрят, что мне кто-то в этом мире дорог, они не будут устраивать демонстрации. Они будут стрелять сразу. Больше мы к этому разговору не вернемся, его, я считаю, вполне достаточно».

«Триан, я так не могу!»

«А ты поднапрягись и смоги. Потому что, если ты не научишься вести себя правильно, я просто запрошу перевод в другую команду сразу после этой миссии, только и всего».

* * *

На этот раз добиться разговора с Мирари оказалось куда сложнее. Нет, никто Элии не отказывал и уж тем более не гнал его со станции. Но управляющая мистическим образом оказывалась жутко занята каждый раз, когда он приходил к ее кабинету.

В принципе, это могло быть правдой: буря добавила столько работы, что еще долго разбираться придется. До следующей бури, а там – по новой! Да и Мирари далеко не всегда принимала его по первому требованию. Однако на сей раз он не мог отступить, он поселился на станции, для зоолога и здесь работы хватало. Очень скоро всем стало очевидно: просто так он не уберется. Вот тогда Мирари и пригласила его к себе.

Она выглядела гораздо лучше, чем во время их последней встречи. Не изменилась чудесным образом, нет, просто казалась бодрой и отдохнувшей, взгляд снова стал ясным. Это вроде как подтверждало версию Мартина о том, что она просто отдыхала на больничном. Однако Элии и сейчас было не по себе – когда он видел, что управляющая жива, здорова и свободна.

– Зачем тебе понадобилось меня видеть? – поинтересовалась она.

– Хотел узнать, как ты. Совсем не похоже на тебя...

– Что именно?

– Да все – и отдых этот, и то, что ты в Орифию не приехала... Вот я и подумал, что тебе, может, нужна помощь!

– Ты делаешь странные выводы. Я начала вести себя как взрослый человек. Как видишь, все мои решения принесли только пользу.

Элия ожидал, что этот разговор пойдет не совсем так, и даже растерялся:

– Ну, да... Я... Я слышал, что на станции есть заболевшие, даже видел парочку кашляющих. Жуткая штука! Вы уже разобрались, что происходит?

– Не в чем тут разбираться. Это обычная простуда, ледняк, как называют ее некоторые, или же снежный кашель. Нормальное явление после сильной бури или дальней охоты.

– Не похоже это на обычную простуду...

– У меня есть отчет медиков, могу предоставить тебе копию, чтобы ты успокоился. На станции все хорошо. Если не веришь мне, можешь запросить официальную проверку. Ничего нового она не покажет.

– Да верю я... Конечно, верю.

Верить как раз не получалось, он просто не мог больше спорить. Мирари вела себя так, как надо – как и подобает при ее должности. Она говорила с ним вежливо и доброжелательно, объясняла ему элементарные вещи, как маленькому ребенку. Разговор этот наверняка записы-

вался, в кабинетах руководства всегда стояла прослушка. Если бы Элия вздумал жаловаться, ему не в чем было бы упрекнуть управляющую, все доказательства оставались на ее стороне.

Вот только это была не Мирари, не та, к которой он привык. Нельзя сказать, что они стали друзьями, однако Элия успел неплохо изучить всех управляющих станций. Мирари была отличным профессионалом, но смирением она никогда не отличалась. Каждый раз, когда он задавал ей дурацкие – по ее мнению – вопросы, ворчать она начинала уже на второй секунде разговора. Или орать. Или доказывать ему, что сложно найти на Хионе создание глупее.

Теперь же она улыбалась ему и оставалась очень милой, а Элия не мог избавиться от ощущения, что говорит с пусть и улучшенной, но копией. Такой, которая понравилась бы его отцу, потому что Мауро ДиНатали всех хотел бы сделать идеальными. И в этом, кстати, новая Мирари была похожа на нового Мартина Видала. Его тоже больше не видели в барах, он все свое время посвящал работе.

Показатели станции улучшились, сотрудники, похоже, были счастливы, и один только Элия не находил покоя. Чем больше он поглядывал по сторонам, тем меньше ему нравилось то, что он видел.

Нет, заболевших на станции Нот было очень мало, да и они быстро выздоравливали. Не было совершенно никаких причин вызывать медиков из города. Только вот выздоровевшие становились какими-то слишком... положительными, что ли. Элии сложно было подобрать правильное слово, потому что при любой попытке описать это состояние казалось, будто болезнь сделала их лучше, а в это он верить не собирался.

Он поймал себя на мысли, что уже рассматривает происходящее как единую болезнь – и заметные симптомы, и последующие психические изменения. При этом заражались на станции не одновременно, но и процесс не останавливался. Началось все во время бури, хотя в этом Элия не был до конца уверен.

Ему оставалось найти нечто общее, объединившее время изоляции и следующие дни. То, что использовали все. То, что в потенциале могло вызвать болезнь. После долгих размышлений вариант у Элии остался только один: сурнджи.

Как раз перед бурей группа Мартина Видала притащила на станцию большую партию этой дряни. Настолько большую, что некоторые сурнджи плавали в резервуаре до сих пор, а новых уловов давно уже не было. Получается, те, что остались... это те же сурнджи, которые были здесь во время бури!

Ему нужно было исследовать их. Элия прекрасно понимал, что вариант подходит по всем пунктам. Сурнджи выловили на дальних территориях, там, где раньше не охотились. Что, если в них была какая-то неведомая зараза? Только его отец верил, что Хиона изучена и покорена. Элия давно уже в этом сомневался.

Он как раз направился на продовольственный склад и выловил из резервуара первого попавшегося сурнджи, когда за спиной у него прозвучал знакомый голос:

– Что ты делаешь?

Элия понимал, что не должен нервничать. Он, зоолог, имел полное право здесь находиться и должен был вести себя уверенно. А он все равно вздрогнул так сильно, что невольно толкнул мобильный аквариум, расплескав воду себе под ноги.

Обернувшись, он увидел Мартина Видала. Заместитель управляющей невозмутимо наблюдал за ним, скрестив руки на груди. Вроде как ни в чем не обвинял, просто спрашивал, однако от его взгляда Элии все равно становилось не по себе.

– А на что это похоже? – нервно улыбнулся он. – Беру сурнджи на исследование.

– Это я вижу. Зачем?

Придумать что-нибудь правдоподобное у Элии в таком состоянии все равно не получилось бы, поэтому он решил сделать ставку на правду.

– Проверить хочу, насколько они безопасны. Я заметил, что и на станциях, и в городе у многих появились одинаковые симптомы. Возможно, это связано с питанием?

– Вряд ли. В колонии питаются сурнджи со времен ее основания.

– Но это ведь улов издалека... Вдруг это какой-то новый подвид? На который у людей аллергия? Или они чем-то заражены?

– Мы их всех проверяем перед тем, как употребить в пищу. За безопасностью на станции Нот всегда следили очень внимательно.

– Я знаю, но это ведь старые протоколы... Вот поэтому я провожу не проверку, а исследование.

– Ты выбрал очень неудачный момент. Посмотри, сурнджи в резервуаре осталось немного. Ты можешь подождать до возвращения охотников с новым уловом?

– Я бы хотел проверить старый улов, который ели здесь и в городе.

Все это время Мартин говорил с ним спокойно, с неизменной улыбкой. И все же Элия вдруг подумал: если придется прорываться на свободу с боем, справится ли он? Они с Мартином примерно одного роста и веса, оба неплохо подготовлены, и все же... Было во взгляде Мартина что-то такое, что подсказывало: не справится. Если главный охотник станции Нот захочет, не будет ни исследования, ни самого Элии.

Тот Мартин, с которым они были знакомы много лет, никогда не стал бы для него угрозой. Однако этот, новый, был способен на что угодно.

Молчание затянулось – как показалось Элии, на целую вечность. Тяжелое молчание, осязаемое, почти как Безмолвие. Оно могло закончиться чем угодно – например, криком, призывающим охрану.

Но вместо этого Мартин лишь улыбнулся чуть шире:

– Хорошо, забирай. Думаю, протянем и без этого сурнджи, считай, что мы им тебя угостили.

Испытывать судьбу Элия не собирался, он мрачно поблагодарил охотника и поспешил увезти аквариум.

На следующие два дня он заперся в лаборатории, хотя совсем недавно он и предположить не мог, что ему доведется тратить столько времени на нечто столь примитивное, как сурнджи. Первый осмотр показал, что существо не выглядело ни больным, ни хоть сколько-то отличающимся от остальных сурнджи, которых в колонии ели десятилетиями. Рентген и последующее вскрытие тоже не дали ответов.

Элия не ожидал, что так будет. Он был уверен: стоит ему заглянуть внутрь этого существа, и правда наконец-то раскроется. Но нет, он будто снова вернулся в институт, где проводил первые вскрытия под надзором профессора. Сурнджи, оказавшийся перед ним сейчас, был таким типичным, что впору фотографировать для учебника.

Сдаваться Элия отказывался. Он провел полный анализ крови и образцов мышц, органов и даже шкуры существа. Если это болезнь, сурнджи может оказаться просто носителем, которому она не вредит, а вот для людей она опасна. Элия не ожидал, что распознает эту болезнь – как вирус или паразита. Но любую странность он готов был трактовать как угрозу.

Вот только странностей не было. Сурнджи в колонии изучали дольше, чем других созданий Хионы. По ним давно уже были заданы нормы, и сейчас компьютер невозмутимо показывал, что нормы эти соблюдены. Кровь чиста. В шкуре нет ни единого паразита. Мясо пригодно для питания. Мартин не обманул его, этот улов наверняка легко прошел проверку. Да так и должно быть: сурнджи ведь тестируют и на станции, и в городе, минимум дважды.

Получается, в болезни, поразившей людей, виновато не питание... А что тогда? Иного общего знаменателя просто нет!

Когда Элия наконец покинул лабораторию, измотанный и обозленный, никто не стал его упрекать. И все равно ему казалось, что и Мартин, и Мирари, и другие переболевшие бросают

в его сторону многозначительный взгляды, посмеиваются над ним... Они-то понимают, что скрытая истина действительно существует. Они просто верят, что Элия слишком глуп, чтобы разобраться в ней.

Но это они напрасно – не на того напали! Элия сделал вид, что смущен, извинился перед всеми, кто только попался на его пути. Он пробыл на станции Нот еще день – ему и правда требовался отдых, да и хотелось подтвердить, что он больше ничего не ищет. А потом он собрал свои вещи и направился на станцию Эвр.

Потому что там тоже были зарегистрированы случаи странной болезни, которую признали сильной простудой. И сурнджи там тоже ели – правда, тех, которых поймали сами. Но результат-то один! Несколько дней Элия просто наблюдал за местными и убедился, что история повторяется. Сначала начинались симптомы, потом зараженный на некоторое время пропадавал, а возвращался здоровым, невозмутимым, но... другим.

– Почему ты уверен, что другим? – поинтересовался Гектор. – Ты что, так хорошо знаешь охотников со станции Эвр?

Гектор Риверо был единственным, с кем Элия решил поделиться своими подозрениями. Остальные ему никогда бы не поверили, и даже Гектор, которого уже много лет звали психом, смотрел на него с удивлением.

С ним Элия связался через видеоканал, благо бесснежная погода это позволяла. Он пока не готов был покинуть станцию Эвр.

– Именно этих охотников я не знаю, зато знаю, какие они обычно. Грубоватые, хамоватые, с плоскими шуточками – да на всех станциях так! А эти не такие. Они всегда говорят ровно, интонаций толком нет, улыбаются как-то заученно...

– По-моему, ты переутомился.

– А тебе самому такое никогда не говорили, когда ты исследования проводил? Дико приятно слышать?

– Но ты ведь не проводил исследования, – указал Гектор. – Просто один раз вскрыл сурнджи...

– Не один раз. Здесь, на Эвре, я провел еще два вскрытия.

– Ну и как? Были шокирующие находки?

– Не было, – неохотно признал Элия. – Сурнджи как источник заражения можем отместить.

– А другого просто нет. Я бы еще поверил, если бы болезнь передавалась через пищу, но этот сценарий ты сам забраковал. А ничего другого и не подходит! При воздушно-капельном у нас были бы не единичные заражения. Короче, забудь...

– Да, это самое разумное на пороге непонятной эпидемии – забыть, сделать вид, что ничего не происходит!

– Что ты предлагаешь?

– Подойду с другой стороны и изучу не причину, а следствие, больше узнаю о самой болезни.

– Удачи тебе, – хмыкнул Гектор. – Позвони, когда убедишься, что я был прав.

Значит, и на его поддержку можно было не рассчитывать. Однако Элию не пугало то, что он, по большому счету, остался один против всех, отступить он не собирался.

Он изучил ту информацию, что хранилась о зараженных в лазарете. Такой было немного: все вокруг считали болезнь простудой, медики выписывали поддерживающие лекарства, серьезное обследование никто не проводил. Да и понятно, почему: это ж охотники! Они напрягутся, только если их снежный демон погрызет или вот кобагару насквозь проткнет. Кашель, язвы, высокая температура – это мелочи, на которые они не привыкли обращать внимание.

Особенно при том, что все выздоравливают. Элия уже обозначил две стадии болезни: активное проявление симптомов и полное выздоровление с изменением психики. Но неизвестной оставалась промежуточная стадия: что происходит с людьми, когда они исчезают? Пред-

полагалось, что они просто отлеживаются, спят, выздоравливают. Вот только Элия сомневался, что все настолько просто, ему нужно было знать наверняка.

Поэтому он и следил за несколькими зараженными, делая вид, что проводит исследования. Он не мог постоянно таскаться за каждым из них, не вызывая подозрений, но это было и не нужно. Он знал, что зараженные исчезают на несколько дней, времени у него хватит.

Первой пропала молодая медичка, которая в последнее время выглядела совсем уж паршиво. Элия насторожился, не обнаружив ее в столовой во время обеда. Скоро его догадки подтвердились: на ужине она тоже не появилась.

Но и в спальне ее не было. Элия придумал предлог для разговора, направился к ней, постучал – и не получил ответа. Убедившись, что никого поблизости нет, он вскрыл замок и заглянул внутрь. Это ни к чему не привело: кровать осталась заправленной, все вещи лежали на месте, не хватало только обитательницы комнаты.

Он никому об этом не сообщил, потому что слабо представлял, кому на станции Эвр еще можно доверять. Элия пробрался в узел видеонаблюдения и использовал контроль-код семьи ДиНаталь, чтобы получить доступ ко всем записям. Так он и выяснил, что медичка еще вчера утром вошла в один из ледяных складов – а обратно уже не вышла.

По идее ей вообще нечего было там делать: на ледяном складе хранилось оборудование для дальних экспедиций. Им и охотники-то пользовались очень редко, а медики – вообще никогда. Элия не отказался бы и внутрь заглянуть с помощью камер, однако в ледяных постройках их никогда не устанавливали, пришлось идти лично.

Склад не был заперт, но, судя по следам, никто после медички туда не входил. Элия проскользнул внутрь, укрываясь от ледяного ветра, включил освещение – несколько прожекторов, установленных на стенах, ну а потом...

Потом он, всю жизнь проживший на Хионе и многое повидавший, наивно уверовавший, что готов ко всему, впервые узнал, что такое настоящий, непреодолимый, подавляющий разум ужас.

Глава 4

Даже гениальный шахматист не может выиграть партию, если капризный ребенок смахнул со стола большую часть фигур.

Во время финального прыжка через пространство, который полагалось проводить в своих каютах, у Альды было время еще раз обдумать ситуацию с Легионом. Именно к такому выводу она приходила при любом раскладе. Из-за смерти Дианы ситуация резко обострилась, к этому нельзя было подготовиться, и Триан, игравший против всех сразу, оказался в тупике. Теперь ему только и оставалось, что затаиться, смиренно склонить голову и искать выход – которого может не быть.

Сначала Альда даже обрадовалась, решила, что сумеет помочь ему. Послание Дианы способно стать оружием, которое даст ему шанс противостоять Легиону! Вот только эта идея казалась удачной лишь на первый взгляд, а дальше сомнений становилось все больше. Что будет, если дать загнанному в угол человеку заряженное ружье? Он будет защищаться – или попытается напасть, подставляясь еще больше? Альда не сомневалась, что Триан умен, пожалуй, даже умнее ее, он сумеет просчитать ситуацию правильно. Но пока оставался даже крошечный шанс, что легионер погибнет из-за ее подсказки, рисковать она не собиралась. Посланию предстояло подождать.

Да и миссия им досталась не самая простая, на ней нужно было сосредоточиться и больше не думать о Легионе. Альда собиралась вести себя так же, как Триан: строго по инструкции, не оглядываясь на то, что уже было сказано.

Финальный этап путешествия прошел спокойно, Легион остался в стороне, они пока ограничились одним предупреждением. Теперь «Северная корона» замерла перед грандиозной планетой, которая чем-то напоминала Альде опал: серебристо-белой, мерцающей, переливающейся. Понятно, что переливы эти были вызваны напряженной атмосферой и там, на Хионе, несли серьезную угрозу. Но здесь они завораживали, и планета казалась живым существом, уснувшим в вечной пустоте.

Отправляться на поверхность они не спешили. К Хионе уже устремились разведывательные дроны, а команда собралась у панели управления, там, где за окнами искрился небесный опал. Альда на всякий случай проверила состояние окружающих, ей было любопытно, как они отреагировали на выходку Легиона. Оказалось – никак. В момент противостояния это их раздражало, злило и даже чуть-чуть пугало. Но когда ничего серьезного не случилось, они предпочли поверить, что действительно произошла нелепая ошибка.

Получается, правду в команде знали только двое. Могла бы догадаться и капитан Лукия, но ей сейчас было не до того.

– Рэйборн, есть возможность связаться с планетой? – спросила она.

На Хиону уже было направлено сообщение о том, что к поселенцам выслали переговорщиков. Но, как бы иронично это ни звучало, у «Северной короны» были все шансы добраться до колонии раньше этого сообщения.

У поверхности планеты связь можно было бы установить, причем прямую, без задержек. Вот только Киган лишь покачал головой:

– По нулям, кэп. Но этого и следовало ожидать.

– Причина?

– Грозовой фронт. Похоже, тут это нормальное явление. Не каждый день, конечно, но бури и периоды покоя длятся примерно равное время. Возможно, это сезонное, я вообще без понятия.

Он вывел на экран снимки, переданные спутниками, и Альда без труда разобралась, что мешает связи. Грозовой фронт и правда был грандиозным – плотная завеса тяжелых серо-чер-

ных туч, которые хищниками подкрадывались к нужному участку планеты. Если такое здесь было нормой, колонии никогда бы не удалось связаться с внешним миром без помощи спутников. Получается, поселенцы и правда быстро достигли высокого уровня развития, Альда не могла припомнить, кому еще это удавалось в такие сроки.

– Значит, для переговоров придется спускаться, – указала Лукия. – К этому мы тоже готовились.

– Но вопрос со снежной бурей это не снимает, – заметил Рале. – Если спустимся сейчас, обязательно встретимся с ней.

Альда знала, что первым возмутится Стерлинг, и, конечно же, оказалась права.

– Протестую! – объявил он. – Капитан, это очень большой риск! Буря может навредить нам всем, «Стреле»... мне лично!

– Тут такая тонкая разница между вредом и бонусом получится, – показательно задумался Киган.

– Отставить, Рэйборн, – велела капитан. – Майрон, сколько, по предварительным расчетам, будет длиться буря?

– Сложно сказать, но чисто теоретически – дней двадцать. Это реально большая дура.

– Двадцать дней бури?! – Стерлинг выглядел так, будто готов был разрыдаться. – Это решительно невозможно! Я уверен, что в инструкциях есть пункт, запрещающий такой риск!

– Нет такого пункта, – невозмутимо подсказал Триан.

Лукия пока не обращала на них внимания, она повернулась к Кигану:

– Рэйборн, оцените угрозу для «Стрелы» и лично Витте, если его это так волнует.

– Начнем с нашего нежного цветочка, пока не завял. Риск для Витте – ноль целых, ноль десятых. Это снежная буря, а не гроза над равниной, где Стерлинг одинокой свечкой воткнут. Молний нет по определению, из гемора – понижение температуры до уровня «Мать моя, ног не чувствую!», дикий ветер и сильный снег. Но поскольку Стерлинг тяжелый, самоочищающийся и ног не чувствовал изначально, ничего ему не будет.

– Я смотрю, на этом корабле моральное давление на меня уже стало нормой, – оскорбился киборг.

– Очень зря ноешь, новости-то хорошие! Ты будешь жить нам на радость, даже если тебя швырнуть в сердце бури. Дальше, «Стрела». Ей тоже ничего не будет. Ей ничего не было под дождями Семирамиды, ей ничего не было в воде Левиафана, ей ничего не было, даже когда ее уронили и песком присыпали на Холинсу.

– На Холинсу как раз было, – напомнила Альда.

– Ага, но там она погорела скорее на особенностях атмосферы, которых здесь нет. Да и потом, если мы метим в центральный город колонии, мы, стартуя вот прямо сейчас, успеем обогнать бурю на несколько часов. Так что атмосферу мы пройдем гладко. Самая большая угроза для «Стрелы» на этой планете – рухнуть под лед, вот это будет жо...

– Рэйборн, потрудитесь придерживаться хотя бы норм вежливости, если термины вас так пугают, – осадила его Лукия.

– Ладно, скажу по-другому: нехорошо это будет. Но я планирую посадить «Стрелу» прямо возле города, а там лед ого-го какой, если он много лет здания удерживает. «Стрела» его чуток растопит, но не более того. С этой точки зрения, буря нам даже на руку: температура понизится, добавится новый слой снега и льда, который благополучно удержит корабль на поверхности. Все будут счастливы – кроме Витте, он уже снеговик.

– Да сколько ж можно! – вспылил Стерлинг.

Их перепалку Альда не слушала, она разглядывала фотографии колонии, переданные спутниками. Снимки все равно были не лучшего качества: поверхность казалась плоской, а все постройки – нарисованными на ней черной тушью. И все же теперь можно было узнать о Хионе гораздо больше.

Город здесь по-прежнему был всего один – но какой! От нескольких крупных центральных зданий улицы сложным лабиринтом расползались во все стороны. Образовывали их каменные дома в два-три этажа, строить полноценные высотки при таком климате было бы опасно. Из-за этого в городе, созданном с помощью инновационных технологий, сквозило что-то средневековое, древнее, гармонично вписавшееся в суровые условия Хионы.

Ощущение былых времен добавляла еще и грандиозная каменная стена, окружавшая город по периметру. Она вроде как сдерживала развитие: если у города появлялись новые улицы, стену нужно было перестраивать. Однако колонисты по какой-то причине пошли на это, и причина наверняка была серьезной.

Снимки рассматривала не только Альда, хилер тоже наклонилась вперед, приблизила одну из улиц, изучая каменные особняки с покатыми крышами.

– Откуда у них столько камня? – спросила она. – На общей панораме я видела горы, но они были очень далеко.

– Те горы – не совсем горы, – отметил Рале. – Судя по данным с дронов, это просто ледяные пики, образовавшиеся, очевидно, на месте столкновения крупных плит.

– Мой вопрос это не снимает и даже делает более актуальным: откуда камни?

– В луже наковыряли, – беззаботно пояснил Киган, но под тяжелым взглядом капитана тут же уточнил: – В смысле, научились извлекать горную породу с глубины, из-под льда. Им нужны были такие технологии сразу, иначе колония не то что не развилась, не сформировалась бы. Но судя по тому, что они и домов себе настроили, и стену, вот, соорудили, технологию они разработали быстро и она оказалась надежной.

– Иначе на такой планете и не прожить, – добавил Рале. – Для полноценной колонии нужны развитые флора и фауна, на поверхности толковых условий для них нет, в воде наверняка скрыто больше. Ну и обилие исследовательских станций намекает, что они не готовы останавливаться на достигнутом.

Станций на Хионе было четыре, они располагались примерно на одинаковом расстоянии от города, просто в разных сторонах. Что любопытно, остатки «Раваны», корабля, который привез колонистов с Земли, находились как раз возле станции. Видимо, там, где прошло приземление, строить город было слишком опасно, и люди нашли место, где лед потолще. Но и отказываться от наследия «Раваны» они не собирались, так что к ней приросла аккуратная станция, ничем не отличающаяся от остальных трех.

На каждой станции было по три здания из камня, а вот все остальные постройки, похоже, хозяйственного назначения, были сделаны из крупных ледяных кубов – даже на снимках несложно было рассмотреть это. Располагались вокруг станций и стены, не такие высокие, как вокруг города, и тоже ледяные.

Чего Альда никак не могла найти, так это дорог.

– Как они там перемещаются? – не выдержала она.

– Да уж нашли способ, раз до сих пор не сгинули, – пожал плечами Киган. – Может, просто едут наугад в нужном направлении, тут же равнины, если найдется подходящий транспорт – можно не париться. Может, дороги все-таки есть, но из-за отблесков снега снять их не получилось, сама же видишь, какое тут качество.

– Это из-за качества мы людей на улицах не видим? – полюбопытствовала Римильда. – Как-то тут пусто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.